

ПРАВозАЩИТНый ЦЕНТР «МЕМОРИАЛ»
Сеть «Миграция и Право»

С.А. Ганнушкина

**О ПОЛОЖЕНИИ В РОССИИ ЖИТЕЛЕЙ ЧЕЧНИ,
ВЫНУЖДЕННО ПОКИНУВШИХ ЕЕ ТЕРРИТОРИЮ**
июнь 2002 г. — май 2003 г.

Москва, 2003

**Осуществляется на средства Управления Верховного комиссара ООН по
делам беженцев, Фонда Форда, Фонда Мотта.**

По материалам Сети «Миграция и Право»
Правозащитного центра «Мемориал»
и Комитета «Гражданское содействие»

С.А. Ганнушкина — руководитель Сети «Миграция и Право»,
председатель Комитета «Гражданское содействие»

В составлении доклада принимали участие:

А. Барахоев,
Е. Буртина,
И. Золотаревская,
М. Львова.

Сеть «Миграция и Право» — программа Правозащитного Центра «Мемориал»,
включающая 54 пункта бесплатной правовой помощи вынужденным
мигрантам, 4 из которых находятся в Ингушетии и Чечне
(<http://refugee.memo.ru>).

В Москве юристы Сети «Миграция и Право» работают на базе
благотворительного Комитета помощи беженцам «Гражданское содействие»
(www.refugee.ru).

Доклад издан ООО «Р. Валент». 105062, Москва, ул. Покровка, д.38а, оф.41.

Содержание

Введение

I. Положение жителей Чечни в регионах России (по материалам Сети «Миграция и Право»)

II. Москва (и не только) после террористического акта на Дубровке (по материалам Комитета «Гражданское содействие»)

II. 1. Дискриминация чеченцев в Москве

II. 2. Фальсификация уголовных дел
II. 3. Как в Комитете «Гражданское содействие» правоохранительные органы ищут боевиков

III. ВПЛ в Ингушетии

III. 1. Война палаткам

III. 2. О ситуации с возвращением внутриперемещенных лиц из палаточных лагерей Республики Ингушетия на территорию Чеченской Республики. (Доклад Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации)

III. 3. Положение ВПЛ в Ингушетии весной 2003 г.

IV. Приложения

Приложение 1. Постановление мирового судьи участка № 5 Советского р-на г. Казани Э.Р. Сайдашевой по обвинению М.И. Султаева

Приложение 2. Заявление в Прокуратуру г. Москвы А.Э. Шидаевой

Приложение 3. Постановление Прокуратуры г. Москвы об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению А.Э. Шидаевой

Приложение 4. Регистрация — путь к инфаркту

Приложение 5. Постановление суда об административном выдворении путем принудительного и контролируемого перемещения Р.М. Закаева за пределы Российской Федерации

Приложение 6. Переписка депутата Гос. Думы В.В. Игрунова По делу Дахшукаева и Исламгериевых

Приложение 7. История гибели Висади и исчезновения Виситы Шокаровых

Список сокращений

ВПЛ — лица, перемещенные внутри страны (или внутриперемещенные лица).

ЦВР — центры временного размещения для вынужденных переселенцев, расположенные в России.

ПВР — пункты временного размещения для ВПЛ в регионах России.

НПО — неправительственная организация.

ПЦ — Правозащитный центр.

РИ — Республика Ингушетия.

ЧР — Чеченская Республика.

МВД — Министерство внутренних дел.

ГУВД — городское управление внутренних дел.

РОВД — районное отделение внутренних дел.

ОВД — отдел внутренних дел.

РУБОП — региональное управление по борьбе с организованной преступностью.

СИЗО — следственный изолятор.

ФСБ — Федеральная служба безопасности.

ФМС — Федеральная миграционная служба.

МЧС — Министерство по чрезвычайным ситуациям.

ПВС — паспортно-визовая служба.

УПВС — управление паспортно-визовой службы.

УК — Уголовный Кодекс.

УВКБ ООН — Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

ПАСЕ — Парламентская Ассамблея Совета Европы.

ЦАО — Центральный административный округ (в г. Москва).

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемый доклад представляет собой продолжение вышедшего в июне 2002 г. доклада Правозащитного центра «Мемориал» [«О положении в России жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию»](#). (Издательство Р. Валент, Москва 2002 г.). Доклад на русском языке и его перевод на английский язык см. на сайте «Мемориала»

http://refugee.memo.ru/For_All/RUPOR.NSF/07c2f686b7397675c3256a530068f463/9bf376467e69ac49c3256bd3007a8b55!OpenDocument. Перевод доклада на немецкий язык см. <http://clasen.net/gannuschkina/refugee-d.html>

К сожалению, прошедший год принес много бед, выходящих далеко за пределы пережитых жителями Чечни в предыдущий период. Поэтому мы не можем ограничиться констатацией того, что положение не улучшилось. По крайней мере, в двух регионах России развивались весьма драматические события.

29 мая 2002 г. был подписан «План мероприятий по завершению работы по возвращению в Чеченскую Республику ВПЛ с территории Республики Ингушетия». Жители Чечни должны были возвратиться на ее территорию до конца октября 2002 г. План был нереален, поскольку в Чечне не обеспечена безопасность жителей и не восстановлено для них жилье и инфраструктура. Однако в течение года были предприняты решительные действия для реализации плана, что привело к большим волнениям в лагерях Ингушетии и страданиям их жителей.

В это же время в Москве после террористического акта в Театральном центре на Дубровке, происшедшего во время представления мюзикла «Норд-ост» 23-27 октября 2002 г., возобновилась кампания по преследованию чеченцев, в рамках операции «Гроза» возобновились попытки их полной изоляции.

Общественные организации приняли самое активное участие в предании гласности событий в Ингушетии, Москве и других регионах РФ. Юристы Сети «Миграция и Право» и программы «Горячие точки» Правозащитного центра «Мемориал» и сотрудники Комитета помощи беженцам и вынужденным

переселенцам «Гражданское содействие» оказывали постоянную правовую помощь и поддержку потерпевшим. Ими был собран большой фактический материал, который регулярно представлялся общественности.

Реакция на происходящее была различной, общество все больше и больше заражалось ксенофобией и ненавистью.

Войдя в Комиссию по правам человека при Президенте РФ, Светлана Ганнушкина направила мониторинг преследований чеченцев в Москве другому члену этой комиссии — известному русскому писателю Борису Васильеву. Ответ писателя с его разрешения мы помещаем вместо предисловия к нашему докладу.

Ответ писателя Бориса Васильева на присланный ему Светланой Ганнушкиной мониторинг последних событий в Москве

4 декабря 2002 г.

Уважаемая Светлана Алексеевна!

К сожалению, я не умею писать писем, поэтому мне пришлось лишь изложить некоторые свои мысли в форме этих заметок. Буду рад, если они Вам пригодятся.

Искренне Ваш

Б.Васильев.

ИНТЕГРАЛ САМОЗАПУГИВАНИЯ

Этот термин употребил замечательный русский юрист Ф. Кони на процессе об общинном преступлении. Суть его заключалась в следующем.

В начале XX века в отдаленное село прибыл цыганский табор. Его вожак (ром Баро) прибыл к старосте с поклоном и подарками и попросил разрешения заночевать на берегу реки. Староста созвал сход, который разрешил табору ночевать на другом берегу, не переходя реки. Ром Баро выставил сходу ведро водки и отбыл. Табор раскинул шатры за рекой, как и было договорено, а на заре снялся с места и покочевал дальше.

И тут вдруг выяснилось, что пропал племенной жеребец. Кинулись искать — нету нигде, и кто-то сказал, что его увели цыгане. И мужики, похватав колья, бросились в погоню. Догнали табор и забили кольями насмерть всех мужчин. Всех, включая парнишек.

А жеребец вечером пришел в село. Оказалось, что пьяный пастух забыл спутать ему ноги.

Это сработал интеграл самозапугивания. Темных крестьян усиленно запугивала цыганами церковь, пресса, власть имущие всех рангов, что в конце концов и привело к трагедии. Не следует исключать и зависти, столь свойственной русскому крестьянину, тысячу лет попираемому всеми. Зависть к вольным цыганам, которыми так восторгались Пушкин и Горький; зависть к богатым, к

преуспевающим, к тем же соседям, воспитавшим трех сыновей в труде и теперь не знающим, что такое голодная старость. Эта зависть извечно живет в душах наших обывателей, это тот русский чернозем, на котором произрастает ненависть ко всем вообще, кто живет не так, как он, иначе живет, и которую ничего не стоит разбудить в их душах.

Мое поколение, почти исчезнувшее ныне с лица земли, с упоением смотрело фильмы, непременным участником которых был житель Кавказа. Грузины и черкесы, кабардинцы и чеченцы, азербайджанцы и осетины — все джигиты Кавказа скакали по нашим экранам, поднимали звонкие тосты за дружбу и любовь, вступали в отчаянные схватки во имя справедливости. И мы восхищались ими так же, как Пушкин и Лермонтов. А потом вдруг появились «лица кавказской национальности». Откуда они появились?

Оттуда же, откуда появились мужики с дрекольем. Из ненависти, порожденной завистью. Никогда не знавшие крепостного права, свободные волей и духом, предприимчивые и дружные кавказцы быстро перехватили неповоротливые русские базары, не понимающие, что это — рынки, на которых действуют не криминальные «крыши» и «разборки», а нормальные рыночные отношения. И предпочли родных бандитов. Обиделись, и в обиход пошли «Черные» да «Чернозадые» вкупе с призывами к войне со всем Кавказом. Уже разработаны и стратегические планы этой войны — от расстрела всего мужского населения на исконно русских территориях до сброса атомной бомбы на Кавказ. На фоне этой массы и процветают как скинхеды, так и откровенно фашистские организации.

Чем количественно больше народ, тем слабее у него историческая память. Она ему попросту не нужна, а природа мудро отсекает все ненужное для существования рода. И если малочисленные народы Кавказа помнят поименно своих предков вплоть до четырнадцатого колена, то мы, русские, с трудом припоминаем, чем занимался наш прадед. Если крестьянству это было не нужно (прадед пахал точно так же, как правнук), то дворянству предки были просто необходимы, особенно если они непосредственно участвовали в процессе строительства государства. Однако большевики первым делом уничтожили российское дворянство почти поголовно, выжившие примолкли, и восторжествовала культура обывателя.

Это — пролог к небольшому отступлению.

Как только в Великой Отечественной войне наметился перелом, Берия стал последовательно внушать Сталину об изменах мусульманских народов Кавказа. Он хотел отвести свои внутренние войска с фронта, чтобы получить в свои руки после победы мощную боевую силу. Он ловко сыграл на гипертрофированной подозрительности Сталина, внутренние войска были отозваны с фронтов, и началась депортация народов.

Она проходила весьма жестоко, поскольку солдатам объяснили, что они имеют дело с предателями. С собой переселенцам разрешалось брать только одно место с бельем, со стариков срывали папахи, отбирали прадедовские кинжалы,

рвали прабабушкины мониста с женщин и девушек. Судите об этом по сегодняшним «зачисткам», от которых прямо-таки смердит средневековьем.

В число депортированных народов попала и Чечня. Все шло заведенным порядком: аул окружался плотным кольцом автоматчиков, вооруженные патрули всех выгоняли из домов, грузили в машины и отправляли на ближайшую станцию, где уже ждали эшелоны. И тут выяснилось, что неохваченным «мероприятием» оказался дальний горный аул Хайбах. Туда немедленно направили взвод автоматчиков, выехали, и тут выяснилось, что к аулу нет дорог, а только тропы. Тогда оставили машины, ворвались в аул и, выражаясь современным языком, провели «зачистку». А пока вояки занимались этим весьма веселым и прибыльным делом, с гор сорвалась небольшая лавина и отрезала от аула машины.

Ну что тут делать? Выстроили всех мужчин, отобрали двоих проводников, а затем всех расстреляли. Всех мужчин, всех женщин, всех стариков, всех старух, всех мальчиков и девочек. А когда проводники вывели героев к машинам, расстреляли и их. Поговорите с любым чеченцем, и он расскажет эту историю, если доверяет вам. Только ведь доверия автоматом не укрепишь.*

Только милиция обладает у нас усердием не по разуму. Вместо того, чтобы поискать в своих рядах брешь — то ли от головотяпства, то ли пробитую сотней долларов, — сквозь которую просочились боевики, захватившие «Норд-ост», они начали форменную облаву на мирных чеченок с детьми, укрывшихся в Москве. К ним с живостью и не без удовольствия подключились, к моему величайшему удивлению, школьные учителя. Видимо, и в них сработал Интеграл самозапугивания. Печально, когда наших детей воспитывают лица с моралью примитивного обывателя, с самого нежного возраста закладывая в их душах хамское неуважение к лицам другой национальности и сердечную черствость. Подальше бы таких дам от нашего будущего, а лихих милиционеров — от нашего настоящего.

I. Положение жителей Чечни в регионах России

(по материалам сотрудников Сети «Миграция и Право»)

Общая ситуация мало изменилась со времени публикации доклада «О положении в России жителей Чечни, вынужденно покинувших ее территорию» в июне 2002 г.

О положении с предоставлением статуса вынужденного переселенца (ВП) можно судить по следующим цифрам.

Субъект федерации	Число ВП из Чечни
Ингушетия	16950
Ставропольский край	14304

Дагестан	6162
Краснодарский край	4771
Ростовская обл.	3692
Северная Осетия-Алания	1637
Воронежская обл.	1520
Волгоградская обл.	1184
Астраханская обл.	1184
Карачаево-Черкесия	1084
Москва	1006
Нижегородская обл.	891
Белгородская обл.	625
Московская обл.	518
Санкт-Петербург	468
Ленинградская обл.	383
Остальные регионы	10636
Итого	67015

Очевидно, что число вынужденных переселенцев за 2002 г. существенно уменьшилось, включая и тех, кто выехал из Чечни. Причины лишения или утраты статуса, к сожалению, как правило, заключены в невыполнении государством своих обязательств перед вынужденными переселенцами. Как правило, по истечении пятилетнего срока, на который предоставляется статус, им его не продлевали, не разъясняя, что они имеют на это право, если государство не помогло им обустроиться. Статус в 2002 г. был предоставлен лишь незначительному числу лиц. Таким образом, государственная помощь, на которую могут рассчитывать немногие ВПЛ из Чечни, имеющие статус вынужденного переселенца, была еще меньше, чем в предыдущем году.

В отношении регистрации в органах внутренних дел и выдачи документов сотрудники Сети «Миграция и Право», работающие в ряде регионов России, сообщают, что захват заложников в Театральном центре на Дубровке отрицательно повлиял на положение ВПЛ из Чечни.

Террористический акт в Москве послужил причиной резкого ужесточения в работе органов ПВС в Тамбове, Калуге, Казани, Пятигорске. Многим чеченцам без объяснения причин была прекращена выдача загранпаспортов, усложнилась или вовсе прекратилась регистрация по месту жительства.

Проблема получения новых российских паспортов для жителей Чечни стоит чрезвычайно остро во всех регионах. Получить их можно только по месту постоянной регистрации, т.е. в Чечне. Понятно, что многие не могут выехать туда по разным причинам. Мужчины не могут сделать этого из соображений

безопасности, пожилые люди — из-за недостатка сил, а все остальные — из-за отсутствия денег. Кроме того, паспортно-визовой службе в Чечне недостает мощностей, чтобы достаточно быстро обслужить всех, кому необходимо получить паспорт. Это означает, что к началу 2004 г. в России сотни жителей Чечни окажутся без удостоверений личности. Не надо обладать большим воображением, чтобы представить себе последствия такой ситуации. Работа, получение пенсий, медицинское обслуживание, образование, передвижение внутри страны и за ее пределами — все это будет недостижимо для беспаспортных граждан, которые станут постоянной добычей бдительных и нечестных стражей порядка.

Усиление давления на жителей Чечни отмечают сотрудники из городов Калуга, Смоленск, Ижевск, Санкт-Петербург, Брянск. Они сообщают сведения об усилении контроля за семьями чеченцев со стороны органов внутренних дел. Происходили частые и необоснованные проверки в домах и на улицах, вызовы в отделения милиции. При въездах-выездах из городов проводилась неоправданная проверка документов у людей с Кавказа, в первую очередь, из Чечни.

Из Оренбурга сообщают, что нарушения со стороны милиции удвоились. Один из чеченцев, проживающий в ЦВР, при посещении пункта Сети рассказал, что его и еще нескольких мужчин-чеченцев пригласили в местное отделение милиции для дактилоскопирования. Те, кого вызывали в РУБОП, жаловались, что оперативники заставляли их сознаваться в подготовке терактов в городе, а отпускали с угрозами. Люди были до такой степени запуганы, что из страха отказывались обращаться в суд и писать официальные жалобы в прокуратуру.

Сотрудники Сети из Казани характеризуют поведение представителей правоохранительных органов в своем городе по отношению к чеченцам, как произвол. Чеченцев постоянно без повода задерживают, доставляют в отделения милиции, без соответствующего оформления держат под стражей несколько часов, в некоторых случаях и несколько суток. Чтобы не нести ответственности за незаконные задержания, сотрудники милиции представляют свои действия, как привлечение чеченцев к административной ответственности за якобы имевшие место нарушения общественного порядка.

Казанские юристы Сети описывают следующий случай: 20 февраля 2003 г., поздним вечером сотрудники милиции ворвались в квартиру, где проживают супруги Алиевы и их четверо малолетних детей, из которых двое — инвалиды. Без объяснения причин всю семью, вместе с детьми, увезли в отделение милиции. Там с угрозами требовали признания в совершении убийства, о котором Алиевы не имели никакого представления. Всех, включая детей, поместили в разные камеры, объявив, что никого не выпустят, пока не добьются признания. Детей держали под стражей более пяти часов. Взрослых освободили через пять суток. «Задним числом» сотрудники милиции составили протокол о том, что Алиев и его семья нарушали общественный порядок на улице —

громко и нецензурно выражались, не реагировали на замечания прохожих и сотрудников милиции. Этот протокол и задержанных отправили к мировому судье Сайдашевой, которая, не выслушав обвиняемых, назначила наказание в виде административного ареста на срок 5 суток, не считаясь с тем, что трое суток из пяти их уже незаконно продержали под стражей, без объяснения причин и должного оформления задержания. (См. Приложение 1. Одно из постановлений мирового судьи — типичное для подобных случаев.)

Об усилении дискриминации по отношению к чеченцам на бытовом уровне (чеченца могут оскорбить, унижить, избить в любом общественном месте), о формирующейся в обществе неприязни к чеченцам, подогреваемой СМИ, в молодежной среде, и даже среди местной интеллигенции сообщают из Брянска, Борисоглебска, Твери.

После теракта на Дубровке на территории Тверской области активизировались проявления профашистских незаконных образований. Стали появляться статьи, в которых сообщалось, что среди жителей ЦВР «Серебряники» проживают около 90 чеченцев и некоторые из них принимали участие в теракте и что проживание «под боком» чеченцев представляет собой опасность для населения — «мину замедленного действия».

Дело не ограничивается настроениями и статьями в газетах. 2 ноября 2002 г. группа из 30-40 молодых людей, одетых в форму неонацистской организации, напала на выходящего из мечети по ул. Советской 51/49 чеченца Руслана Абуевича Данильханова, 1962 г. рождения, и на провожавшего его сторожа мечети. Сторожу удалось укрыться в здании мечети. Нападавшие разбили там окна и старались выломать двери. Руслан Данильханов был избит до такой степени, что его пришлось доставить скорой помощью в реанимационное отделение 4-й Тверской Городской больницы. Среди нападавших были 6 девушек, одетых в белые плащи с капюшонами, которые вместе со всеми после избиения образовали круг и исполнили ритуальный танец.

5 ноября председатель Чечено-ингушско-русской диаспоры Тверской области А.А. Дабаев обратился к прокурору Тверской области с просьбой провести расследование случившегося и принять меры, предусмотренные законодательством. Однако до настоящего времени ответа на письмо не поступило.

В конце ноября 2002 г. аналогичной группой был избит другой чеченец, Джамбулатов, который после этого скончался от черепно-мозговой травмы в той же 4-й Городской больнице.

В декабре 2002 г. несколько сот молодых людей в одежде с фашистской символикой окружили рынок на Горбатке и стали оскорблять торгующих там армян и азербайджанцев и угрожать им. Звонки в милицию из сотовых телефонов остались не услышанными, и только вмешательство граждан остановило преступные действия. Возможно также и то, что пока не было еще «приказа» к организации погрома.

17 февраля 2003 г. в г. Бежецке был распространен слух, что неким Султаном Лечиевичем Яшуркаевым готовится теракт в воинской части. После встречи Председателя диаспоры А.А. Дабаева с начальником Бежецкой районной милиции и работником ФСБ была организована проверка и установлена ложность распространенных слухов, но влияние на настроение жителей города они уже оказали.

В начале марта появились тревожные слухи о якобы готовящейся расправе криминальных авторитетов над шестью чеченскими семьями, проживающими в г. Рамешки Тверской области. Главы этих семей вызывались в центр города, для учинения над ними расправы. Председатель диаспоры А.А. Дабаев выезжал в г. Рамешки, встречался с чеченскими семьями и с руководством районной милиции. Выяснилось, что местный криминальный авторитет по фамилии Королев являлся организатором готовящегося преступления, которое удалось предотвратить своевременным вмешательством.

Большие сложности у чеченцев возникли с трудоустройством. Так, в маленьком поселке Спирово все той же Тверской области были уволены с работы все чеченцы, образовавшие там небольшую колонию и только что наладившие жизнь на новом месте. Самое крупное предприятие в поселке — стекольный завод — принадлежит чеченцу, давно осевшему в Тверской области. Однако хозяин, чтобы не вызвать неудовольствие местных властей, длительное время не принимал бедствующих соплеменников на работу. Летом прошлого года несколько молодых чеченцев все же были приняты на завод. После теракта в Москве все они были уволены: как говорят в поселке, по требованию местной администрации.

Надо отметить, что далеко не во всех регионах террористический акт в Москве оказал пагубное влияние на положение чеченцев, однако никто из членов Сети не сообщает об улучшении их положения в течение последнего года.

По-прежнему не принято никаких документов о компенсации утраченного имущества. Постановлением № 510 был установлен срок — 23 ноября 1996 г., после которого жители, «безвозвратно покинувшие Чечню», теряли право на компенсацию утраченного имущества и жилья. В декабре 2002 г. Верховный Суд РФ признал, что установление такого срока не соответствует законодательству РФ. Однако до настоящего времени изменения в Постановление № 510 не внесены. Что же касается тех, кто остался в Чечне или намерен туда возвратиться, то о компенсации им ведутся только общие разговоры.

Тяжелое положение сложилось с вкладами, сделанными жителями Чечни в Чеченское отделение Сберегательного банка России. В прошлом году решение проблемы возвращения вкладов как будто сдвинулось. Был составлен реестр вкладчиков и сумм вкладов. Поскольку граждане РФ потеряли свои деньги во время дефолта 1998 г., государство понемногу компенсирует утраченное, частично индексируя вклады гражданам, не моложе 1942 г.р., инвалидам и иным социально незащищенным лицам. Оставшаяся часть остается на

сберегательной книжке до следующего этапа компенсации. Однако сейчас, когда начали выплачивать по 1000 рублей и жителям Чечни, сберегательные книжки у них изымаются.

На запрос одной из вкладчиц Сбербанк ответил:

«После пересчета остатка вклада производится дальнейший расчет сумм процентов, причисленных к остатку вклада по день обращения вкладчика. После выплаты вклада и предварительной компенсации предъявленная сберкнижка (квитанция ф № 31) изымается у вкладчика и остается на хранении в филиале Сбербанка (п.1.5 Порядка выплат средств вкладчикам бывшего Чеченского банка Сбербанка России №1001-р от 18.10.2002 г.)».

Это означает, что дальнейшие выплаты компенсаций жителям Чечни, по всей видимости, производиться не будут, что нарушает принцип равенства граждан.

Не обеспечив ВПЛ ни жильем, ни средствами для его приобретения, **миграционные органы активно пытаются освободить те 1000 мест**, которые были выделены для жителей Чечни в нескольких ЦВР по России. Полем борьбы за выселение весь последний год стал ЦВР «Серебряники» Вышневолоцкого района Тверской области. В Центре проживают 256 человек, 155 из них — лица, перемещенные внутри страны (ВПЛ) из Чечни, покинувшие свои дома после возобновления военных действий в 1999 г. и не получившие статуса вынужденного переселенца. С 1 августа 2002 г. их перестали обеспечивать питанием. Беженцы протестовали, обращались в различные инстанции. О ЦВР неоднократно писала «Новая газета», его посещали иностранные корреспонденты, в сентябре прошел пикет жителей ЦВР у здания МВД РФ. Это не вызвало никакой реакции, кроме крайнего удивления сотрудников МВД, проходивших в здание министерства мимо пикетчиков.

9 декабря 2002 г. обитателям «Серебряников» сообщили, что 10 декабря по предписанию от 5 декабря начальника местной противопожарной службы полковника внутренних войск Тихомирова оставшиеся два корпуса ЦВР будут закрыты, а жильцы выселены. Тем, кто имеет статус вынужденных переселенцев, были обещаны другие формы временного размещения, остальным предлагалось устраиваться самостоятельно. Срочно принятые общественными организациями меры не дали выгнать людей среди зимы на улицу. Однако постепенно отсутствием помощи и постоянными угрозами миграционным органам удалось избавиться почти от всех нежелательных жильцов. Они разбрелись кто куда, некоторым удалось покинуть пределы России. Теперь они ждут решения властей о предоставлении им убежища.

II. Москва (и не только) после террористического акта на Дубровке *(по материалам Комитета «Гражданское содействие»)*

Захват заложников в Театральном центре на Дубровке в Москве послужил началом новой кампании по преследованию чеченцев и других «выходцев с

Кавказа», фактически повторившей сценарий двухлетней давности. Как и после взрывов жилых домов осенью 1999 г. и в переходе на Пушкинской площади летом 2000 г., расследование преступлений подменялось репрессиями против мирных граждан. Имитируя активную деятельность, правоохранные органы фактически сводили счеты с частью населения, принадлежащей к определенным этническим группам. Таким образом, реализуется принцип мести и коллективной ответственности за преступления, причастность к которым преследуемых не только не доказана, но и не подозревается.

Начиная с 24 октября и до конца декабря 2002 г. поток обращений в Комитет «Гражданское содействие» и другие НПО неуклонно возрастал.

Милиция проводила проверку всех квартир, где постоянно или временно проживали чеченские семьи. При осмотре помещений не предъявлялось никаких документов, дающих право на такие действия. От жильцов, даже постоянно живущих и имеющих постоянную регистрацию (прописку) в Москве, требовали письменно объяснить цели проживания в Москве, спрашивали, чем они занимались во время террористического акта. Проверки сопровождались грубостью, оскорблениями, угрозами выселить из Москвы.

Многих, в первую очередь молодых, из дома или с улицы приводили в отделения милиции, где их фотографировали в профиль и анфас, снимали отпечатки пальцев. Иногда измеряли даже рост и вес. Эти действия также часто сопровождались оскорблениями. Тем, кто пытался отстаивать свое достоинство и требовал показать документ, на основании которого проводятся проверки, угрожали подложить наркотики.

Массовым стало беспричинное увольнение с работы. Изгонялись с уроков дети, родители которых не имеют регистрации в Москве. Таким образом фактически восстанавливается отмененный судом в декабре 2000 г. пункт 5 правил регистрации в Московском регионе.

В то же время прибывшим из Чечни отказывали в регистрации по месту пребывания в некоторых ОВД полностью, в других — на срок более 10 дней. В начале ноября Комитет «Гражданское содействие» провел выборочный телефонный опрос паспортных столов милиции. Задавался вопрос от имени жителя Москвы, к которому приезжают родственники из Чечни: не будет ли проблем с их регистрацией или ее сроками в связи с террористическим актом на Дубровке. Ответы были различными. В нескольких отделениях сотрудники милиции отвечали, что дополнительных ограничений нет. В других — что регистрация приезжих из Чечни полностью прекращена. Но чаще всего, предлагали прийти лично и сообщали, что при регистрации потребуются дополнительные фотографии, отпечатки пальцев, надо будет заполнить опросный лист и пройти проверку по линии криминальной милиции. Никто не мог назвать документ, которым определен такой порядок регистрации, однако наличие общей инструкции препятствовать регистрации в Москве жителей Чечни было достаточно очевидным*.

Сразу после опроса паспортных столов Комитет провел еще один телефонный опрос от имени москвички, столкнувшейся со сложностями в регистрации родственников из Чечни, намеренной определить в школу их детей. На сей раз обзванивались окружные управления образования. Во всех случаях инспектора утверждали, что не знают о том, что Верховный суд еще в начале 2001 г. признал незаконным и не подлежащим применению пункт 5 московских правил регистрации, связывающий обучение детей в школе с регистрацией родителей. В некоторых случаях следовал категорический отказ, но чаще инспектор предлагал без его помощи поискать школу, директор которой принял бы на свой страх и риск ребенка из Чечни на обучение.

Очевидно, что инструкция изолировать чеченцев от общества появилась не сразу. Вначале сотрудники милиции ограничивались проверками и предупреждениями в форме, зависящей от их собственного уровня культуры. Однако уже через несколько дней возобновилась затихшая на время кампания возбуждения уголовных дел по фальсифицированным обвинениям в хранении наркотиков, оружия, пособничестве террористам. Задержанным не давали возможности позвонить домой, хотя закон требует этого. От родственников и представителей неправительственных организации скрывали места их нахождения, поэтому удавалось принять меры по защите, только когда обвинение было уже предъявлено.

В 2000 г. на встрече с правозащитниками Прокуратура г. Москвы фактически признала, что в 1999 г. проводилась подобная кампания. Теперь она повторяется.

Общее напряжение дестабилизирует обстановку в Москве и иных населенных пунктах, создает весьма благоприятную среду для настоящих преступников, давая им возможность слиться с множеством законопослушных граждан, подвергающихся ложным обвинениям. Как всегда в таких случаях, растет коррупция, поскольку единственной возможностью для преследуемых избежать расправы становится откуп. Общество переживает резкий всплеск античеченских и антимигрантских настроений, ксенофобии и расизма.

II. 1. Дискриминация чеченцев в Москве

Как уже говорилось выше, несмотря на заявления Президента России и Министра внутренних дел о недопустимости преследования чеченцев в связи с событиями в Театральном центре, кампания 1999–2000 гг. возобновилась. Особенностью этой кампании стала тотальная милицейская «проверка» находящихся в Москве чеченцев.

Судя по многочисленным свидетельствам, имели место два варианта такой проверки — «мягкий» и «жесткий». В начале, как правило, использовался «мягкий вариант»: участковый инспектор посещает квартиру, где проживают чеченцы, и задает им несколько вопросов о составе семьи, месте работы, ответы заносит в некий опросный лист. (О таком визите рассказала, в частности,

сотрудница Комитета «Гражданское содействие» Нина Яхьяева, муж которой — чеченец, научный работник; семья Яхьяевых бежала из Грозного во время первой войны, с тех пор постоянно проживает в Москве.) «Жесткий вариант»: сотрудники милиции приходят к чеченцам домой или останавливают их на улице и просят, либо требуют, чтобы те прошли с ними в отделение милиции, где с ними обращаются, как с людьми, задержанными по подозрению в совершении уголовного преступления. Иногда это делалось формально, без проявлений враждебности, иногда в грубой и оскорбительной форме, с обвинениями в терроризме и бандитизме, после чего «бандитов» и «террористов» спокойно отпускали домой. (Правда, иногда такая «проверка» служила прелюдией к аресту и фальсификации уголовного дела; см. об этом ниже.) От кого зависел выбор того или иного варианта «проверки», неизвестно. Но очевидно, что форма, в которой она проводилась, целиком зависела от исполнителей. Так, в Комитет «Гражданское содействие» поступило несколько жалоб на грубое поведение сотрудников ОВД «Марьинский парк». По нашим сведениям, в связи с террористическим актом на Дубровке проверке подверглись находящиеся в Москве чеченцы, так или иначе попавшие в поле зрения милиции. Причем «проверялись» подобным образом не только мужчины, но также женщины и дети старшего школьного возраста. Уже 24 октября, то есть на следующий день после захвата заложников, милиция пришла в квартиру, где проживают беженки из Чечни Хава Межидова и Элита Усманова с несколькими детьми. Женщин и четверых подростков отвели в отделение милиции, сняли отпечатки пальцев, отобрали объяснения о том, кто они, зачем приехали в Москву, чем занимаются, на какие средства живут и т.п., и, продержав в отделении около четырех часов,пустили.

Круг лиц, подлежащих «проверке», определялся, главным образом, по данным регистрационного учета. Об этом свидетельствует сцена, которую наблюдала сотрудница «Гражданского содействия» Е. Рябинина в паспортном столе одной из жилищно-коммунальных служб Москвы: паспортистка, не стесняясь присутствием посетителей, громко жаловалась на то, что ей, несмотря на загруженность исполнением своих обязанностей, приходится еще по заданию местного отделения милиции выявлять чеченцев по базе данных жителей района. Другой, хорошо испытанный способ выявления чеченцев — проверка документов на улице у лиц определенного этнического типа.

Людам, подвергшимся «проверке» в связи с террористическим актом, никто не объяснял, на каком основании это делается. Тем, кто задавал вопросы, говорили: «Вы что, телевизор не смотрите?» или что-либо подобное.

Аэлита Шидаева работала в кафе торгового центра около отделения милиции «Марьинский парк». В 4 часа дня 30 октября в торговый центр ворвались сотрудники этого отделения, поставили всех лицом к стене, обыскали и, забрав Аэлиту с собой, уехали. В отделении ее допрашивали в течение 7 часов, требуя признания в причастности к террористическому акту в Театральном центре. Мать Аэлиты подняла на ноги известных адвокатов, прессу и

неправительственные организации. Только благодаря ее энергии девушку отпустили. Выйдя из отделения, Аэлита потеряла сознание.

Из постановления Люблинской межрайонной прокуратуры от 4 декабря 2002 г. об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению А.Э. Шидаевой в отношении сотрудников ОВД «Марьинский парк» нам стало известно, что основанием для проведения тотальной милицейской проверки этнических чеченцев в Москве послужило поручение Прокурора Москвы М.А. Авдюкова Начальнику ГУВД Москвы от 28 октября 2003 г. за № 35-49-02 «О проведении комплекса мер по выявлению соучастников террористов», захвативших заложников на спектакле «Норд-ост». (Заявление Аэлиты Шидаевой в Прокуратуру г. Москвы и текст постановления см. в Приложениях 2 и 3.) Текст этого поручения не был обнародован и получить его правозащитным организациям не удалось. Тем не менее, судя по ходу исполнения этого поручения, оно предписывало проводить проверку на предмет причастности к террористическому акту по этническому признаку и, следовательно, было издано с нарушением закона. Сотрудники милиции, выполняя распоряжение прокурора г. Москвы, проверяли всех «выходцев с Северного Кавказа, живущих или работающих на их территории».

22 ноября 2002 г. депутат Государственной Думы В.В. Игрунов по нашей просьбе обратился к Генеральному прокурору РФ В.В. Устинову с просьбой провести проверку законности проводимых ГУВД Москвы мероприятий в отношении этнических чеченцев. Генпрокуратура поручила проведение проверки прокуратуре Москвы, которой таким образом было поручено проверить самое себя. Прокуратура Москвы поступила следующим образом: выбрала из распространявшихся «Гражданским содействием» на пресс-конференциях материалов некоторые факты притеснений милицией чеченцев после теракта на Дубровке, в большинстве случаев не нашла в действиях сотрудников милиции ничего противоправного, а вопрос о законности проводимых мероприятий в целом вообще оставила без ответа.

Тотальная «проверка» чеченцев в Москве, проводившаяся в октябре–ноябре 2002 г., сопровождалась теми же проявлениями дискриминации, которые получили широкое распространение в предыдущие античеченские кампании. Проверки документов у «лиц кавказской национальности» на улицах и в метро — давно привычное явление столичной жизни, но после теракта на Дубровке они стали особенно интенсивными: постовые расположились во всех переходах между станциями и у выходов из метро, так что человек с характерной внешностью не имел никакой возможности остаться незамеченным. В эти месяцы для чеченцев стало опасно просто выйти на улицу.

Знаменательным свидетельством интенсивности и одновременно жестокой бессмысленности этих проверок может служить такой факт. В результате штурма Театрального центра на Дубровке погибла мать волонтера «Гражданского содействия» Татьяны Шифриной — Анна Тевильевна Шифрина, находившаяся на спектакле в качестве зрителя. Татьяна уже несколько лет преподает русский язык в Центре адаптации и обучения для детей беженцев, действующем в составе Комитета «Гражданское Содействие». Анну Тевильевну

хоронили 30 октября. Мать одного из учеников Тани, **Аминат Асуева**, не смогла попасть на похороны из-за того, что по дороге ее дважды задерживала милиция, хотя Аминат умоляла отпустить ее на похороны.

Проверка документов по этническому признаку, сама по себе противозаконная, сопровождается, как правило, множеством других нарушений закона. Приведем характерный пример. 13 декабря 2002 г. на станции метро «Комсомольская радиальная» постовой милиционер 1-го отдела УВД по охране Московского метрополитена Р.А. Гунченко остановил для проверки документов беженца из Чечни **Ахмеда Арсамакова**. На просьбу Ахмеда представиться и назвать причину интереса к нему постовой не отреагировал. Р.А. Гунченко взял паспорт и свидетельство о регистрации А. Арсамакова, бегло взглянул на них и направился в сторону комнаты милиции, Ахмед был вынужден следовать за ним, чтобы не остаться без документов. Вопросы Арсамакова о причинах доставления в комнату милиции вновь остались без ответа. Затем Р.А. Гунченко потребовал, чтобы Ахмед поднял руки. Ахмед понял, что постовой намерен его обыскать, и заявил, что его действия незаконны: он не имеет права проводить обыск без оснований и без понятых. Поскольку Гунченко настаивал, Ахмед сказал, что знает о многих случаях подбрасывания наркотиков и патронов сотрудниками милиции, и потребовал, чтобы Гунченко показал раскрытые ладони. После этого Ахмед разрешил ему ощупать сверху карманы своей куртки. Затем Р. Гунченко закрыл А. Арсамакова в помещении за решеткой, но вскоре выпустил и предложил написать объяснение о том, имеет ли он и его близкие отношение к террористическим актам у ресторана «Макдональдс» и в Театральном центре на Дубровке. На вопрос Ахмеда, почему он должен писать такое объяснение, Р.А. Гунченко ответил: «Пиши, если хочешь уйти». Ахмед написал объяснение, состоящее из одной фразы: «Ни я, ни мои родственники и знакомые к указанным событиям никакого отношения не имеют», после чего был отпущен.

А.М. Арсамаков был одним из немногих, кто не захотел оставить произвол безнаказанным. Придя домой, Ахмет Арсамаков написал заявление в прокуратуру Московского метрополитена. Он указал, что постовой УВД по охране Московского метрополитена многократно нарушил Устав патрульно-постовой службы, закон «О милиции» (проверка документов без достаточных оснований, отказ предъявить служебное удостоверение и назвать гражданину причину своих действий по отношению к нему, необоснованное доставление в комнату милиции, необоснованное административное задержание, попытка провести досмотр с нарушением закона), а также Кодекс административных правонарушений (незаконное изъятие паспорта). Поскольку действия Р.А. Гунченко не были мотивированы ничем, кроме национальной принадлежности А. Арсамакова, в них усматриваются также признаки преступлений, предусмотренных ст. 136 и 282 Уголовного кодекса РФ («Нарушение равенства, прав и свобод человека и гражданина», «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»).

Прокуратура признала незаконность доставления Ахмеда в комнату милиции, необоснованность требования у него письменного объяснения о причастности к терактам и сделала представление о привлечении Р.А. Гунченко к дисциплинарной ответственности. Другие допущенные им нарушения были оставлены без внимания. Обращение А.М. Арсамакова в Прокуратуру Москвы оказалось еще менее результативным.

Эпизод с А.М. Арсамаковым содержит далеко не полный набор нарушений, совершаемых сотрудниками милиции в подобных случаях: его грамотное поведение скорее всего оказало на Р.А. Гунченко сдерживающее влияние. В частности, Ахмед фактически не допустил по отношению к себе незаконное проведение досмотра. Практика таких досмотров получила в ноябре–декабре 2002 г. широкое распространение. Каждый, кто пользуется московским метро, имел возможность наблюдать, как сотрудники милиции прямо в вестибюлях и переходах метро обшаривают карманы и «потрошат» сумки пассажиров, не утруждая себя соблюдением законной процедуры.

17 марта 2003 г. сотрудник «Гражданского содействия» Елена Буртина стала свидетелем такого досмотра на станции метро «Комсомольская радиальная». Она попросила представиться постового милиционера, который только что на ее глазах обшарил карманы пассажира, а затем отвел в комнату милиции и посадил за решетку. Е. Буртина мотивировала свою просьбу тем, что, по ее мнению, постовой действовал с нарушением закона. Постовой отказался назвать себя и призвал на помощь своего начальника, А.Е. Шлыкова. Тот в телефонном разговоре с Е. Буртиной подтвердил, что постовой не должен представляться «каждому встречному». Е. Буртина обратилась в Прокуратуру Московского метрополитена. Прокуратура признала, что постовой (им оказался А.А. Николаев) обязан был, по просьбе любого гражданина, назвать себя, но факт незаконного досмотра признать отказалась, сославшись на отсутствие «объективных данных».

В общественные организации поступило множество жалоб от граждан на **препятствия в оформлении регистрации по месту пребывания** вскоре после захвата заложников на спектакле «Норд-ост» (историю одной регистрации см. в Приложении 4). Далеко не во всех случаях усилия правозащитников давали положительный результат.

Супруги Зарема Дадаева и Русланбек Яшуркаев с тремя детьми и двумя племянниками три года проживают в Москве и все это время регистрируются в ОВД «Академический». 26 октября 2002 г. они пошли к начальнику этого ОВД С.М. Седлецову, чтобы он завизировал их документы на продление регистрации. Седлецов в грубой форме отказал им. Через несколько дней они обратились к нему вновь. Он отправил их к участковому инспектору Полякову. Участковый потребовал от хозяина квартиры написать заявление, что он несет уголовную ответственность за людей, проживающих в его квартире, и предупредил, что в случае чего пойдет под суд как пособник террористов. Хозяин был немного напуган, но заявление написал. Участковый подписал

документы З. Дадаевой и Р. Яшуркаева, чем вызвал гнев начальника отделения. Зарему и Русланбека отправили к начальнику службы участковых инспекторов Воронину. Тот наложил резолюцию: «Во временной регистрации возражаю». Тут же оштрафовал их за проживание без регистрации и потребовал, чтобы они в течение трех дней убрались из Москвы. Только после телеграммы депутата Государственной Думы В.В. Игрунова в Паспортно-визовое управление ГУВД Москвы супруги были зарегистрированы.

Студентка Современного гуманитарного института Мадина

Интишева была зарегистрирована ОВД «Братеево» на 6 месяцев. В декабре 2002 г. срок регистрации истек, и она обратилась в то же ОВД за продлением регистрации. Начальник паспортного стола И.М. Барнич отказался зарегистрировать Мадину без письменного согласия начальника отделения. Тот отказал в устной форме, получить письменный отказ Мадине не удалось. Только после ходатайства депутата Государственной Думы в Паспортно-визовое управление ГУВД Москвы регистрация М. Интишевой была продлена.

История регистрации беженки из Чечни Луисы Асхабовой — самый возмутительный из известных нам случаев. Вместе с тремя детьми (один из них инвалид) она живет в пос. Рогачево Дмитровского района Московской области. Муж работает в Москве, навещая семью по выходным. Луиса не оформляла регистрацию, и никаких связанных с этим проблем у нее не было. После октябрьских событий в Москве милиция Дмитровского района потребовала от директоров школ представить сведения об учениках, не имеющих регистрации. Тогда Луиса решила зарегистрироваться. Рогачевский отдел милиции не взял на себя принятие решения о ее регистрации и направил ее в Дмитров. Начальник ПВС Дмитровского района А.М. Глушенков в грубой форме отказал Луисе в регистрации с требованием убраться в Чечню и с угрозами наказать хозяев квартиры, где она проживает, за то, что предоставили чеченцам жилье. Позднее в разговоре с Е.Ю. Буртиной А.М. Глушенков подтвердил, что отказал Луисе Асхабовой в регистрации «в связи со сложившейся обстановкой». Заместитель начальника УПВС ГУВД Московской области Седых В.В., к которому в связи с этим случаем обратилась Е. Буртина, сказал, что из МВД по поводу чеченцев «имеются указания, о которых он не может говорить по телефону», высказав при этом сожаление, что за проживание без регистрации нельзя сажать в тюрьму. Заместитель начальника Паспортно-визового управления МВД России Н.М. Смородин в разговоре с Буртиной опроверг наличие таких указаний и обещал урегулировать вопрос с регистрацией Л.Асхабовой.

Тем не менее, вопрос этот так и не был решен. Получив письмо из ПВУ МВД о том, что она будет зарегистрирована, Луиса вновь подготовила все документы и обратилась в Дмитровскую ПВС. В этой поездке ее сопровождал представитель администрации Московской области, куда по инициативе «Гражданского содействия» было направлено письмо депутата В.В. Игрунова о дискриминации чеченской семьи. А.М. Глушенков вновь не принял документы Л.М. Асхабовой, никак не мотивировав свой отказ. Тогда Луиса направила свои документы в

Рогачевский отдел милиции почтой. После этого в милицию вызвали пожилого хозяина квартиры, в которой проживают Асхабовы. Из милиции он вернулся подавленный и напуганный, сказал, что вынужден выселить Луису с детьми. К его жене сотрудники милиции приехали на службу, отвезли ее в отделение, где она написала заявление о том, что не согласна на регистрацию Л. Асхабовой. Сотрудникам «Гражданского содействия» удалось уговорить хозяев квартиры не выселять Луису, пообещав им помощь в случае притеснений со стороны милиции.

В конце 2002 г. участились (ставшие в последние месяцы перед терактом на Дубровке уже довольно редкими) **угрозы и попытки выселения чеченских семей**, проживающих без регистрации или не по месту регистрации. 29 октября в «Гражданское содействие» позвонила **Зайнап Темирсултанова**. Семья Зайнап покинула Чечню еще во время первой войны, имеет статус вынужденных переселенцев. Зайнап с мужем проживают в Москве по одному адресу, а зарегистрированы — по другому. Узнав от соседей, что ее разыскивает участковый, Зайнап сама пошла к нему. Участковый инспектор А.С. Шкраба заявил, что по закону он ее с мужем может выселить, а справку о регистрации разорвать. На вопросы Зайнап, по какому закону он может так с нею поступить, участковый отвечал: «По такому». В разговоре с нашим сотрудником А.С. Шкраба отрицал, что угрожал Зайнап выселением, но настаивал на том, что имеет право аннулировать ее регистрацию. (Правила регистрации не предусматривают такой возможности, но имеется указание ГУВД Москвы, позволяющее аннулировать регистрацию в случае, если гражданин проживает в Москве не по адресу регистрации). Вмешательство «Гражданского содействия» погасило конфликт.

Сестра Зайнап, **Марина Темирсултанова** проживает в доме, предназначенном к реконструкции. Несколько лет назад жители дома были отселены, и весь пустующий дом постепенно был самовольно занят людьми, не имеющими жилья, в их числе семья Марины и еще две семьи чеченских беженцев. Начало реконструкции дома планировалось на апрель 2003 г. 30 октября 2002 г. вечером сотрудники ОВД «Красносельский» и местной коммунальной службы пришли выселять чеченские семьи. На вопросы, чем объясняется выселение именно чеченских семей, ответили ставшим традиционным в эти дни вопросом: «Вы что, не смотрите телевизор?». Ни санкция прокурора, ни решение суда о выселении этих семей не предъявлялись. Марина, у которой в семье — муж, трое детей и родственница-инвалид 1 группы, страдающая рассеянным склерозом, отказалась освободить помещение, и выселение было отложено на 2 дня.

На следующий день депутат Госдумы В.В. Игрунов и председатель «Гражданского содействия» С.А. Ганнушкина направили в Мещанскую прокуратуру письма, в которых планирующееся выселение квалифицировалось, как акт мести по отношению к живущим в Москве чеченцам, и содержалась просьба не выдавать санкцию на выселение этих семей. Очевидно, эти обращения возымели действие, так как попытки выселения этих семей больше не возобновлялись. Прокуратура не дала санкции на выселение чеченских

семей и в то же время вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции и коммунальной службы, предпринявших попытку их незаконного выселения.

Начиная с осени 1999 г. **трудоустройство** стало для чеченцев почти неразрешимой проблемой. Здесь действовало несколько факторов: проблемы с регистрацией, без которой в России повсеместно, в нарушение трудового законодательства, отказывают в приеме на работу, страх населения (в том числе, работодателей) перед чеченцами, отчасти поддерживаемый, отчасти насаждаемый властями и СМИ, исходящие сверху негласные указания не принимать чеченцев на работу. К началу 2002 г. ситуация несколько смягчилась: часть беженцев из Чечни сумели устроиться на работу, женщины, в основном, в сфере торговли, мужчины — в строительстве. После теракта на Дубровке многие вновь остались без работы.

Беженка из Чечни **Зара Локаева** одна содержала семью из пяти человек (больной туберкулезом муж и трое детей). Она работала продавцом на овощном рынке у метро «Речной вокзал». Претензий со стороны хозяина рынка не имела. 25 октября он подошел к ней и сказал: «С завтрашнего дня на работу не выходи». Зара рассказала нам, что целыми днями ищет работу. Везде ее спрашивают о национальности, когда узнают, что она — чеченка, отказывают.

Марет Халидова рассказала нам, что ее мужа, сына и племянника в ноябре 2002 г. выгнали с работы в фирме «Для душа и души», где они работали грузчиками. Хозяева были довольны их работой, но милиция потребовала, чтобы их там не было.

30 октября в подмосковном городе Орехово-Зуево был разгромлен и подожжен небольшой магазин, принадлежавший чеченке, местной жительнице. На стенах магазина погромщики оставили античеченские надписи (статья об этом погроме была напечатана в газете «Московский комсомолец» от 31 октября 2002 г.).

Посетительница Комитета «Гражданское содействие» **Тамара Эзерханова** 22 ноября 2002 г. рассказала, что этот магазин давал работу нескольким семьям беженцев, родственников и знакомых хозяйки магазина. После погрома они остались без заработка. Беженцы пытались выйти торговать на местный рынок, но милиция их туда непустила.

В том же Орехово-Зуево незадолго до теракта в Москве беженка, мать пятерых детей **Малхиш Музаева** устроилась на работу в мастерскую по производству тапочек, принадлежащую вьетнамцам. Была очень довольна, потому что ее взяли без регистрации. Через несколько дней ее уволили, сославшись на то, что есть указание сверху уволить чеченцев.

Али Исмаилов потерял работу на одной из московских фирм после того, как

начал писать заявления в милицию и в прокуратуру по поводу ареста двоюродного брата Бислана Гундиева, которому в милиции подбросили патроны. Одновременно Али лишился жилья: хозяйка квартиры, которую он снимал, пришла с сотрудником милиции и выгнала его, хотя оговоренный срок аренды еще не истек. Несколько дней Али с женой и маленьким ребенком провели на вокзале. В результате ребенок заболел и попал в больницу. Позже они прожили неделю в помещении «Гражданского содействия», прежде чем нашли жилье в дальнем Подмоскowie.

Рассказывая историю регистрации Л. Асхабовой, мы упомянули о том, что начало этой драматической истории положило **требование милиции к директорам школ Дмитровского района предоставить сведения об учениках, не имеющих регистрации**. Это требование, судя по всему, не было местной инициативой. В октябре-ноябре 2002 г. к нам поступило несколько сообщений о том, что директора московских школ потребовали от родителей-чеченцев срочно представить справки о регистрации. В ряде случаев родителям говорилось, что без представления такой справки дальнейшее обучение их детей в школе будет невозможным. Такое требование было предъявлено, в частности, семье **Турлуевых** — директором школы № 266, **Марет Саралиевой** — классным руководителем ее детей, обучающихся в школе № 1191. При этом с Марет взяли подписку о том, что она уведомлена о необходимости представить справку о регистрации и о возможности отчисления ее детей. Справки о регистрации потребовал от **Заремы Дадаевой** директор школы № 1715. Директор жаловалась нам в разговоре о Зареме, что ее ежедневно «терзает милиция». Сын **Макки Тагаевой**, ученик 3-го класса 727-й школы, принес дневник с записью классного руководителя о том, чтобы он не приходил в школу после каникул, если у матери не будет регистрации.

После теракта в Театральном центре на Дубровке вновь появились жалобы на **проявления враждебности по отношению к чеченским детям** со стороны учителей, учеников и их родителей. Хотя эти проявления, безусловно, и не были прямо организованы или санкционированы властями, они стали возможны только потому, что чеченцы почти официально были объявлены главным внутренним врагом. К счастью, жалоб такого рода было немного.

25 октября ученица 5 «б» класса школы-интерната № 58 **Гериханова Исита** вернулась из школы в слезах и сказала, что больше в эту школу ходить не будет. Дело в том, что учительница Надежда Андреевна сказала детям: «Ребята, Исита — чеченка, вы должны это знать». Директор школы в разговоре с нашим сотрудником отрицала возможность такого факта, но обещала, что проследит за происходящим.

18 ноября к нам обратился беженец из Чечни, отец 7 детей, **Альви Дигаев**. Его младший сын 7-летний Сиражди учится во 2-м «б» классе московской школы № 155. За три дня до этого на родительском собрании класса председатель

родительского комитета заявила, что все родители настаивают на удалении Сиражди из класса. Об этом говорили двое, остальные поддерживали их репликами с места. Только мать одного ученика попыталась возразить, но на нее зашикали. Претензии к Сиражди были такого рода: один раз кого-то толкнул на перемене (без всяких последствий), в другой раз мычал на уроке и т.п., — обычное поведение для мальчика в его возрасте. Учитель не поддержала этих выступлений, но и не дала им отпор. Родители заявили о намерении обратиться с письмом к директору об удалении Сиражди из школы. Мы сообщили об этом случае журналистам из телекомпании «НТВ-Интернэшнл» и корреспонденту «Новой газеты» Анне Политковской. Интерес журналистов, видимо, смутил гонителей Сиражди и заставил их отступить. (См. статью А. Политковской в «Новой газете» за 2-4 декабря 2002 г.)

2003 г. принес еще одно мрачное новшество: впервые после 1944 г. чеченца депортировали в Казахстан.

15 ноября в «Гражданское содействие» обратилась беженка из Чечни **Имани Сафанова**. Вместе с мужем и тремя малолетними детьми она проживает в Москве с осени 1999 г. Муж, **Закаев Рамзан**, — гражданин Казахстана. Его родители, как и другие чеченцы, были высланы в Казахстан и остаются там до сих пор. Рамзан в 1994 г. приехал в Чечню, здесь женился на Имани и собирался перевезти сюда родителей. Но война помешала этим планам.

Рамзан и Имани с детьми бежали в Москву и поселились в коммунальной квартире, в комнате дальнего родственника, где сначала были зарегистрированы. Однако родственник уехал на лечение за границу. Продлить регистрацию Имани и Рамзан не смогли из-за отсутствия владельца жилья. 25 октября Имани пошла в паспортный стол ОВД «Левобережный» и написала заявление, в котором указала причину пребывания в Москве, адрес пребывания, причину, по которой они с мужем не могут оформить регистрацию. Она указала также, что работает уборщицей в ближайшей средней школе, где учится ее дочь. Начальник паспортного стола наложил на нее штраф за проживание без регистрации и заявил, что директор школы будет наказан за то, что принял ее на работу без регистрации. Чтобы не навлекать неприятностей на директора школы, Имани тут же ушла с работы. Рамзан также длительное время не имел работы, так что семья оказалась в бедственном положении.

Добросовестно заявив о своем проживании без регистрации, Рамзан и Имани привлекли к себе внимание местной милиции, сотрудники которой стали часто наведываться к ним, требовать уплатить штраф, зарегистрироваться или выехать из квартиры. Депутат В.В. Игрунов по инициативе «Гражданского содействия» обратился в ОВД «Левобережный» с просьбой учесть трудное положение семьи и не препятствовать ее проживанию в этой квартире.

Обращение депутата вызвало противоположную реакцию. 17 января 2003 г. Рамзана в очередной раз вызвали в ОВД «Левобережный», задержали, в тот же день, не дав возможности связаться с адвокатом, направили в Головинский суд, который вынес решение о назначении ему в соответствии со ст. 18.8 Кодекса об административных правонарушениях наказания в виде штрафа с

административным выдворением за пределы РФ. В качестве обеспечивающей меры суд постановил содержать Р.Закаева в приемнике-распределителе № 1 ГУВД Москвы до выдворения. Не были приняты во внимание ни отсутствие у Р. Закаева объективной возможности оформить регистрацию, ни наличие жены и малолетних детей — граждан России, интересы которых будут нарушены в случае его выдворения, что нарушает ст.8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. (Постановление суда об административном выдворении путем принудительного и контролируемого перемещения Р.М. Закаева за пределы Российской Федерации см в Приложении 5).

Адвокат Сети «Миграция и Право» Н.В. Дорина подала кассационную жалобу в Мосгорсуд, который постановлением от 27 февраля 2003 г. оставил решение Головинского суда без изменения. Затем была направлена жалоба в порядке надзора в Верховный суд РФ. Одновременно адвокат обратился в Европейский Суд по правам человека, который придерживается четкой позиции, когда речь идет о сохранении семьи. Н.В.Дорина направила в Конституционный Суд РФ заявление о признании противоречащей Конституции статьи 18.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях, которая послужила основанием для выдворения Р.М. Закаева. Однако эти жалобы рассматриваются очень долго, а пребывание Рамзана под стражей не было ограничено определенным сроком. Выдворение иностранцев из России осуществляется за их собственный счет, а Р. Закаев не имел необходимых для этого средств, поэтому мы были вынуждены, чтобы хоть как-то сократить его срок пребывания под стражей, оплатить приобретение для него авиабилета. 7 апреля 2003 г. он вылетел в Казахстан. Имани осталась в Москве одна, беременная, с тремя детьми на руках. Если не удастся добиться отмены судебных решений о выдворении ее мужа, он сможет вернуться к семье в Россию не ранее, чем через 5 лет.

Таким образом, античеченская кампания 2002 г., как и предыдущие, была нацелена на лишение чеченцев основных условий существования: свободы передвижения, жилья, работы, учебы для детей, а также социальной защиты, недоступной при отсутствии регистрации.

II. 2. Фальсификация уголовных дел

Для многих проверка документов и привод в милицию не закончились только штрафом или угрозами.

Фальсификация такого рода уголовных дел, несмотря на некоторые частные различия, происходит каждый раз по общей схеме. Выявляются люди, подлежащие проверке, задерживаются, доставляются в отделения милиции, во многих случаях прямо из дома, их обещают отпустить сразу же после проверки документов. В отделениях милиции им с той или иной степенью ловкости подбрасывают «улики», всегда наготове понятые, в присутствии которых производится обнаружение этих улик. Составляется протокол, в котором факт привода из дома подменяется на задержание на улице, иначе явно

неправдоподобной выглядит версия, что человек, отправляющийся в отделение милиции, положил себе в карман наркотик или боеприпасы.

Задержания часто сопровождаются жестокими избиениями с целью добиться самооговора и подписания признательных показаний. Родственникам, как правило, не сообщают о месте нахождения или специально дезинформируют, чтобы затруднить организацию защиты. В суде при рассмотрении заявления следственных органов о выборе меры пресечения судьи принимают решения о заключении под стражу и совершенно глухи к показаниям обвиняемых и свидетелей в их защиту, а также к доводам адвокатов. Принимается во внимание только национальная принадлежность и отсутствие регистрации, трактуемое как возможность скрыться от судебного разбирательства. Как наличие регистрации может помешать подозреваемому скрыться, судом, разумеется, не разъясняется.

На жалобы адвокатов на неправомерные действия сотрудников милиции и на запросы Депутата Государственной Думы в органы прокуратуры с просьбой взять дело под контроль, наказать виновных в неправомерных методах задержания приходят стандартные ответы:

«...доводы заявителей о нарушениях закона при задержании, аресте, привлечении к уголовной ответственности и проведения обысков подтверждения не нашли, в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции отказано».

В правозащитные организации Москвы осенью и зимой 2002 г. обращались десятки людей, родственники которых оказались жертвами сфабрикованных обвинений. Нам неизвестно ни одного оправдательного приговора по этим делам. Суд всегда встает на сторону обвинения, не смущаясь отсутствием доказательств. Условный приговор — лучшее, чего удастся добиться. Несколько дел было закрыто на стадии следствия. Как правило, это дела родственников достаточно влиятельных людей.

Ниже приводится несколько типичных историй, ярко демонстрирующих механизмы фабрикации дел и методы работы правоохранительных органов в период их повышенной активности.

Зелимхан Нурдиевич Амалов, 1975 г.р., 21 октября приехал в Москву из Ингушетии, где был у матери и лечился в больнице после перелома челюсти. З.Н. Амалов женат на москвичке, брак зарегистрирован в июне 2002 г. Он не успел оформить регистрацию по месту жительства жены из-за отсутствия денег на оплату задолженности по квартплате.

25 октября несколько сотрудников Бабушкинского отделения милиции пришли в дом к Амалову и его жене. Произвели обыск, после которого вывели Зелимхана из дома, подозревали понятых и пояснили им, что обнаружили в кармане брюк Зелимхана наркотики. Под следствием Зелимхан находился в Матросской тишине, свиданий с ним не давали. После задержания сына в Москву приехала его мать, пригласила адвоката, с его помощью стало известно,

что Зелимхан признал наркотики «своими», т.к. боялся, что пострадают жена и теща.

Зелимхану Амалову в июле 2001 г. уже подкидывали наркотики, он был осужден на 6 месяцев по той же ст. 228.1 УК РФ (приобретение или хранение наркотиков без цели сбыта). Тогда адвокат посоветовал ему признаться: «иначе больше дадут». **В январе 2003 г. Зелимхан Амалов был приговорен к 2-м годам заключения в лагерях строгого режима.** Строгость приговора была связана с рецидивом совершенного преступления.

Богдан Даудович Татаев, 1962 г.р., зарегистрирован по месту жительства в г. Грозном, но фактически в течение 12 лет проживает с женой и 12-летней дочерью в Москве в общежитии. В связи с охотой на чеченцев участковый советовал ему на время оттуда уйти, что Богдан и сделал.

29 ноября 2002 г. Б.Д. Татаев зашел навестить жену и дочь. На обратном пути в магазине поблизости от дома, его задержали, прямо на месте начали бить. Соседи увидели эту сцену и сообщили жене Богдана. Как его били, видела и продавщица магазина, но она отказалась подтвердить это в суде. Б.Д. Татаева отвели в ОВД «Хамовники», родные звонили туда, но там отрицали, что Богдан у них. В тот же день, 29 ноября 2002 г., в отношении Б.Д. Татаева было возбуждено уголовное дело по ст. 222.1 УК РФ.

30 ноября, уже находясь в Бутырской тюрьме, Богдан Татаев позвонил с чужого мобильного телефона и сообщил, что его сильно били, поэтому он подписал протокол, в котором сказано, что у него был обнаружен пистолет с глушителем.

Сотрудники Комитета «Гражданское содействие» давно и хорошо знают семью Татаевых и убеждены, что дело против него было сфабриковано. Это подтверждается и тем, что Богдану Татаеву не дали возможности сразу пригласить адвоката, а от родственников скрывали факт его ареста. Богдану был приглашен адвокат, который потребовал медицинского осмотра, было установлено наличие на теле Богдана синяков и иных повреждений.

На запрос депутата Государственной Думы В.В.Игрунова Прокуратура Москвы ответила, что Б.Д. Татаев был задержан за совершенное им административное правонарушение, в процессе задержания у него был обнаружен и изъят переделанный самодельным способом газовый пистолет.

О следах побоев в ответе прокуратуры говорилось, что ушиб лица слева у Б.Д. Татаева образовался при вынужденном применении к нему приемов самбо в момент задержания. В январе 2003 г. дело было передано в суд.

После первого заседания суда 11.02.2003 г. свидетели по делу на стороне Богдана Татаева, а также его родственники, присутствовавшие в суде, при выходе из здания Хамовнического межмуниципального суда были задержаны сотрудниками РУБОП и доставлены в ОВД ЦАО «Хамовники». Сотрудники милиции, участвовавшие в слушаниях в качестве свидетелей другой стороны,

вызвали три наряда РУБОП. В течение полутора часов по рапорту сотрудников РУБОП задержанные находились в ОВД «Хамовники» якобы с целью проверки регистрации.

(Можно отметить, что проверка регистрации в соответствии с КоАП возложена на участковых инспекторов (п.9 части 2 статьи 23.3) и не входит в обязанности сотрудников РУБОП.)

Только благодаря немедленному вмешательству правозащитников все задержанные были вскоре отпущены, получив от ОВД предупреждение о необходимости оформления регистрации.

В марте 2003 г. состоялся суд, который приговорил Богдана Татаева к двум годам лишения свободы по ст. 222 УК РФ.

Зелимхан Сайхасанович Носаев, 1966 г.р., уроженец Грозного, проживал в Москве с родителями-пенсионерами, по временной регистрации, которую в последний раз отказались продлить без объяснения причин. По профессии водитель. В Москве с 1998 г. работал на заводе «Фрезер», где выполнял вместе с родителями надомную работу по сборке шариковых ручек, а также подрабатывал водителем на телефонной фирме. Возвращаться в Чечню Носаевым некуда, их дом в Грозном разрушен в ходе военных действий.

30 октября 2002 г. сотрудники ОВД «Нижегородский» Соболев и Миронов явились в квартиру, которую снимают Носаевы. Не застав Зелимхана дома, попросили родителей обеспечить его присутствие, т.к. им необходимо произвести формальные действия: заполнить опросный лист, подвергнуть дактилоскопии и т.д.

Спустя некоторое время те же сотрудники, убедившись по телефону, что Зелимхан дома, вернулись и увезли его в отделение милиции. Мать Носаева вдогонку сказала им: «Смотрите! Я вам доверяю, не подкиньте ничего!». А через короткое время получила известие, что у сына нашли запал от гранаты.

Как выяснилось позднее, в ОВД «Нижегородский» Зелимхану сначала предложили взять на себя какое-нибудь нераскрытое преступление, от чего он отказался. Тогда его с грязной руганью начали избивать и издеваться над ним, называя то террористом, то торговцем героином. В конце концов, положили ему в карман боевой запал от гранаты, привели понятых и в их присутствии запал извлекли.

С помощью побоев и шантажа Зелимхана заставили подписать протокол изъятия и объяснение, которое написали сами сотрудники, цинично ссылаясь на приказ сверху, предписывающий им поймать еще 15 человек.

На допросе З. Носаев отказался от дачи показаний. Сотрудники милиции Соболев и Миронов, дали ложные показания об обстоятельствах и месте его задержания, указав, что остановили Носаева 28 октября 2002 г. вечером на улице, возле дома № 5 по шоссе Фрезер для проверки документов. На самом

деле документы Зелимхана были давно ими изучены, поскольку как чеченец он был у них «на контроле». Против З. Носаева было возбуждено уголовное дело по ст. 222.1 УК РФ.

Родители Зелимхана обратились в приемную депутата Государственной Думы А. Аслаханова, который позвонил начальнику ОВД. Зелимхан Носаев был освобожден под подписку о невыезде, что в таких делах редчайший случай. Дело передали следствию, которое оказалось в затруднительном положении. «Все шито белыми нитками», — сказал начальник следственного отдела адвокату Носаева: есть свидетели того, что Зелимхан ушел из дома вместе с сотрудниками милиции, а также того, как Зелимхану подбросили боевой запал от гранаты.

Желая выгородить своих сотрудников, следователи ОВД направили дело в прокуратуру, сделав акцент на том, что у З. Носаева имеется непогашенная условная судимость.

Адвокат Зелимхана Носаева, Абу Гайтаев, написал ходатайство и жалобу в Лефортовскую прокуратуру, в которых обратил внимание на то, что не были проведены необходимые следственные действия, в частности, не проверено наличие отпечатков пальцев на детонаторе; просил вызвать для допроса мать Носаева и других свидетелей. Из прокуратуры пришел ответ, что в допросе свидетелей нет необходимости, т.к. вина Носаева полностью доказана и дело направлено в суд.

Тем не менее, в январе стало известно, что Лефортовской межрайонной прокуратурой дело З. Носаева в связи с допущенными нарушениями возвращено в ОВД Нижегородского района для производства следствия.

В течение всего времени, пока длилось следствие, сотрудники милиции не оставляли З. Носаева в покое. Его постоянно вызывали в милицию, якобы для выяснения подробностей по какому-то другому, по-видимому, вымышленному делу. Однажды после такого визита, его препроводили в отделение милиции, где 5 часов подвергали издевательствам и оскорблениям. Наведывались и на квартиру Носаевых без всяких на то оснований.

У Зелимхана Носаева возникли серьезные проблемы со здоровьем. Он не выдержал давления со стороны органов милиции, и, не дожидаясь суда, скрылся.

Его адвокат полагает, что риск обвинительного приговора с большим сроком заключения был велик, несмотря на аргументы защиты и показания свидетелей, поскольку такова практика аналогичных судебных разбирательств.

Хизыр Ахмедович Талхигов, 1963 г.р., — беженец из Чечни. Его жилье в Грозном разрушено. Фактическим местом его жительства является Москва, где у него проживают родственники. Х.А. Талхигов, имеет высшее образование,

ранее не судим. Он был задержан 28 октября 2002 г. в Торговом центре «Москва», по Тихорецкому б-ру, д.1.

К Хизыру Талхигову подошли два человека в штатском и, предъявив удостоверения сотрудников милиции, потребовали документы. Х. Талхигов показал им свой паспорт. Так как у него не было регистрации по месту пребывания в Москве, ему, предложили пройти в комнату охраны.

В комнате, где находились несколько человек, Х.А. Талхигову велели выложить содержимое карманов. Был составлен протокол с описью всех вещей, и проведен личный обыск, при котором ничего криминального не было найдено. Далее по рации были вызваны сотрудники из ОВД «Люблино». Приехав, они надели на Х.А. Талхигова наручники, положили ему в нагрудный карман куртки вынутые до этого вещи и повезли в ОВД «Люблино».

В ОВД к нему подошел сотрудник милиции, стал осматривать его карманы. Хизыр почувствовал, как ему что-то положили в правый задний карман брюк. Потом его завели в комнату, где находились двое понятых, и предложили выложить на стол содержимое карманов. Х. Талхигов сказал, что один из сотрудников положил что-то ему в карман и предложил сотрудникам самим выложить содержимое. Из правого заднего кармана был извлечен полиэтиленовый пакетик, как пояснили в дальнейшем, с героином. Несмотря на то, что при проведении дознания Х.А. Талхигов дал показания о действиях сотрудников милиции, подложивших ему героин, они не были приняты к сведению.

30 октября в «Гражданское содействие» за помощью обратились родственники Х.А. Талхигова. В Люблинскую прокуратуру была направлена телеграмма депутата Игрунова с просьбой освободить Х.А. Талхигова под залог, однако там не нашли оснований изменить меру пресечения. Адвокат Х.А. Талхигова направил в Прокуратуру г. Москвы жалобу в защиту интересов обвиняемого по факту неправомερных действий сотрудников милиции. В заявлении содержалась просьба «Провести проверку фактов неправомερных действий сотрудников милиции и по итогам проверки принять законное решение». Жалоба была поддержана запросом депутата об истребовании уголовного дела Х.А. Талхигова и проведении проверки обоснованности возбуждения уголовного дела. Люблинской прокуратурой принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по факту неправомερных действий сотрудников милиции.

В настоящее время дело находится в Люблинском районном суде г. Москвы.

Бислан Вахидович Гунциев, 1976 г.р., житель Чечни, проживал с родителями в палаточном лагере Красный полумесяц в Ингушетии. В мае 2002 г. Бислан приехал на лечение в Тверь, там был прооперирован по поводу язвы. Оттуда в конце мая приехал к брату Али в Москву, работал на стройке штукатуром-

маляром. 30 октября 2002 г. в 18 ч. он ушел со стройки и направился в сторону метро Щукинская и после этого пропал.

В «Гражданское Содействие» пришел обеспокоенный брат Гунциева — Али Абдулшахидович Исмаилов. Али вел поиски, в 99-ом отделении милиции факт задержания Бислана отрицали. Али знал, что сотрудники этого отделения милиции и раньше задерживали его брата, но все обошлось, поскольку у Бислана была регистрация по месту пребывания в Москве.

4 ноября Али обратился за помощью в Представительство ЧР, и только тогда ему сообщили, что Бислан был арестован сотрудниками 99 отделения, и находится в СИЗО № 20. Через Абдул-Хакима Султыгова (специального представителя Президента РФ по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в Чечне) родным удалось узнать, что Бислан обвиняется в хранении оружия. Оказывается, при осмотре у Б.В. Гунциева были «найденны» патроны и возбуждено уголовное дело по ст. 222.1 УК РФ (незаконное хранение оружия).

В суде Б.В. Гунциеву была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, 5 ноября 2002 г. ему было предъявлено обвинение.

6 ноября от имени депутата Государственной Думы В.В. Игрунова была направлена правительственная телеграмма Генеральному прокурору РФ и Прокурору г. Москвы с просьбой проконтролировать ситуацию с задержанием Б.В. Гунциева. Ответ пришел из прокуратуры г. Москвы: по признакам ст. 222.1 УК РФ проводится расследование.

После окончания следствия дело было передано в Хорошевский межмуниципальный суд г. Москвы, откуда снова возвращено в прокуратуру «для устранения недоработок». Мера пресечения не изменена.

Рамзан Хасанович Тушиев, отец 4-х малолетних детей, более 14 лет проживал в Новом Уренгое. От общественных сил чеченского народа участвовал в переговорах с Администрацией Президента России.

27 декабря 2002 г. знакомый Р. Тушиева попросил подвезти его с полуторагодовалым ребенком на машине, т.к. стояла морозная погода. Знакомому с утра позвонили понятые по делу его родственника, уверяли, что у них есть важная информация о нем. Те же понятые звонили и раньше, вымогали деньги.

К месту встречи с понятыми приехали с большим опозданием. Тушиев вышел из машины убедиться, что их уже никто не ждет. Знакомый с ребенком остался в машине. Тушиев не успел осмотреться по сторонам, как на него набросились сотрудники милиции, приехавшие на 5 машинах, как позже выяснилось, сотрудники РУБОП ЦАО. На Рамзана надели наручники, усадили на заднее сиденье его же машины. В машине Р.Х. Тушиеву в карманы засунули гранату, пакет с наркотиком и доставили в ОВД «Замоскворечье». Против него было

возбуждено уголовное дело по ст. 228.1 и ст. 222.1 УК РФ, он был взят под стражу.

Адвокат Рамзана, Абу Гайтаев, полагает, что сотрудники правоохранительных органов, намеревались задержать его знакомого, вступив в сговор с понятыми, на встречу с которыми тот ехал. Но поскольку он был с малолетним ребенком, не стали связываться с ним, а задержали Р. Х. Тушиева.

28.12.2002 г. состоялся суд по избранию меры пресечения. Но, несмотря на имеющееся у Р. Х. Тушиева постоянное место работы, наличие четырех детей, отсутствие судимости, показания трех свидетелей — очевидцев того, что наркотики и гранаты были ему подложены, суд удовлетворил ходатайство дознавателя о заключении Рамзана под стражу. Главным аргументом было, как обычно, отсутствие у него постоянной регистрации в Москве.

Адвокат А. Гайтаев обжаловал меру пресечения в Мосгорсуде, но без результата.

В начале марта 2003 г. дело Р. Х. Тушиева направлено в Замоскворецкий суд. Судебные слушания прошли 5 и 12 мая. Приговор — 2 года и 2 месяца в колонии общего режима.

Ибрагим Адамович и Саид-Эмин Адамович Ахтахановы, 1975 и 1967 г.р., задержаны 26 октября 2002 г., уголовное дело возбуждено по ст. 222.1 и ст. 228.1 УК РФ.

Семья Ибрагима проживала в Москве у своих родственников. 26 октября Ибрагим Адамович Ахтаханов с женой Заремой навещали в больнице жену брата Саид-Эмина. Возвращаясь домой, увидели, что двери квартиры приоткрыты. Супруги вошли в квартиру, полагая, что в квартире, скорее всего, проводят обычную проверку документов. В квартире, кроме Саид-Эмина и малолетнего ребенка, находился участковый, сотрудник милиции в форме и 7-8 человек в штатском. Один из них на приход Ибрагима отреагировал словами «еще один чех явился» (чехами называют чеченцев военные в Чечне) и тут же позвонил и сообщил кому-то, что на одного будут «вешать» автомат, на другого пистолет.

На просьбы Заремы Ахтахановой не лишать детей отцов (и у Ибрагима, и у Саид-Эмина несовершеннолетние дети) был ответ, что на женщин тоже найдется управа, а детей можно сдать в приют.

Братьев Ахтахановых увезли в ОВД «Басманное». Хозяйка квартиры Зура Шарипова пошла вслед за ними в ОВД. Как это обычно бывает в подобных случаях, ей сказали, что в ОВД Ахтахановых нет. Однако после настойчивых просьб и требований ей пообещали, что Ахтахановы будут допрошены и наутро отпущены.

Ночью Зуру разбудил шум под окном: она увидела, что сотрудники милиции производят обыск автомобиля Ибрагима. После ее вмешательства они просто

забрали машину. Можно предположить, что планировалось подложить в машину наркотики или оружие, но Зура помешала это сделать.

Утром 27 октября Зура пришла в ОВД за родственниками, однако мужчин не отпустили. К ней в квартиру вскоре пришли сотрудники милиции и предъявили санкцию на обыск. При этом они утверждали, что Ахтахановы были задержаны на улице и у них были обнаружены наркотики.

Спустя 10 дней с момента задержания были предъявлены обвинения: Саид-Эмину — в хранении взрывчатых веществ и в хранении оружия: якобы у него на руках нашли следы гексогена, а в одежде были спрятаны патроны. Ибрагим обвинили в хранении взрывчатых веществ: у него в машине нашли тротил и гексоген.

На депутатский запрос Прокуратура Москвы ответила, что задержание братьев Ахтахановых было проведено в рамках операции «Вихрь Антитеррор» и что Ибрагим был в состоянии наркотического опьянения.

В ответе прокуратуры г. Москвы было также указано:

«С учетом того, что Ахтахановы С.А. и И.А. проживают в г. Грозном, а в г. Москве находились без регистрации, имелись основания полагать, что они могут скрыться от следствия и суда, Басманным межрайонным судом по ходатайству прокурора района 28.10.02 избрана в отношении них мера пресечения в виде заключения под стражу.

...Доводы заявителей о нарушениях закона при задержании, аресте, привлечении к уголовной ответственности и проведения обысков подтверждение не нашли, в связи с чем в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции отказано».

В настоящее время оба Ахтахановых находятся в Бутырской тюрьме и ждут суда, который предположительно состоится в мае.

Часто люди, обвиняемые по ст.ст. 222 и 228 УК РФ, не надеясь на справедливое решение суда и при всей очевидности фальсификации, предпочитают сделку с правоохранительными органами: они признают вину и не требуют наказания сотрудников милиции за их неправомерные действия.

Ислам Гадаев около двух часов дня 27 октября 2002 г. находился дома, когда в его квартиру пришел участковый с помощником и после короткого разговора попросил Ислама Гадаева прийти в 162-е отделение милиции для проверки. Ислам спокойно оделся, собрался и поехал в отделение на своей машине. Там у И. Гадаева забрали паспорт, сфотографировали, сняли отпечатки пальцев. В грубой форме задавали вопросы о работе, о родственниках. Один из сотрудников милиции попытался засунуть руку в его карман, однако Ислам воспротивился этому. Тогда его схватили за руки и повели в помещение с понатыми для проведения обыска. Один из сотрудников милиции,

обыскивавший И. Гадаева, периодически закрывал обзор понятием, становясь между ними и Исламом. По всей видимости, в этот момент ему был подложен пакетик с белым порошком — героином.

Дядя И. Гадаева, Айнди Халилович Башаев, постоянно проживающий в Москве, узнав об аресте племянника, приехал в 162-е отделение милиции и попытался узнать, что произошло с племянником. У него тут же был отобран паспорт. Чтобы не быть задержанным, Айнди Халилович поспешил уйти.

К делу подключились помощник депутата Госдумы А. Аслаханова З. Башаев и сотрудник Комитета «Гражданское Содействие» Елена Буртина. Общественные организации выделили Гадаеву адвоката Сети «Миграция и Право» Диониса Ломакина.

Паспорт А.Х. Башаева только через два дня был вызволен Ломакиным. Одновременно удалось выяснить, что против И.Х. Гадаева возбуждено уголовное дело по ст. 228.1 УК РФ.

З. Башаев добился встречи с И. Гадаевым, и тот рассказал, как в карман его куртки были подложены наркотики. Очевидно, что он не стал бы привозить их с собой в отделение милиции.

В материалах возбужденного уголовного дела никаких оснований для административного задержания Гадаева не приведено, не упоминается и о правовых основаниях для осмотра, который был проведен после задержания. Тем не менее на запрос Депутата Государственной Думы В.В. Игрунова Чертановская межрайонная Прокуратура ответила, что нарушений закона в ходе расследования уголовного дела допущено не было. На запросы Депутата В.В. Игрунова об изменении меры пресечения и освобождении И.Х. Гадаева из-под ареста также последовал отказ.

19 ноября 2002 г. в Мосгорсуде судья Г.М. Тюркина, рассмотрев жалобу на постановление о заключении И.Х. Гадаева под стражу, отказала в ее удовлетворении на том основании, что он может скрыться из-за отсутствия у него регистрации. Вне судебного заседания судья заявила, что И. Гадаев может не рассчитывать ни на изменение меры пресечения на подписку о невыезде, ни на освобождение под залог.

В ходе расследования сменилось три следователя. Первый, изучив все материалы, понял, что дело безграмотно, и принял решение его закрыть. Однако после соответствующего доклада начальству, следователь был снят. Расследование продолжил другой следователь.

Можно перечислить нарушения, имевшие место в деле Гадаева.

Подписавший протокол личного досмотра сотрудник милиции не проводил досмотр, а лишь присутствовал при нем.

Досмотр проводился не в отдельной комнате, а в коридоре отделения милиции, где находилось много посторонних людей, в том числе лиц, задержанных правоохранительными органами.

Не была назначена и проведена, как положено в таких случаях, экспертиза подногтевого содержимого и ткани карманов И. Гадаева для обнаружения микрочастиц наркотического вещества.

На очной ставке, один из понятых, кардинально поменял свои показания, заявив, что своими глазами не видел, как у И. Гадаева был изъят наркотик.

Второй понятой был в состоянии сильного алкогольного опьянения. Об этом говорил Ислам Гадаев и другой понятой.

Несмотря на очевидность фальсификации, Ислам Гадаев, не выдержав оказываемого на него давления, принял решение принять на себя вину.

Заклучив неформальное соглашение с судьей, И.Х. Гадаев сознался в хранении наркотиков. **В середине марта 2003 г. он был приговорен к 6 месяцам поселений.** В перерыве судья конфиденциально сообщила подсудимому, что поверила первым его показаниям, поэтому избрала такой небольшой срок «наказания».

Будучи под арестом, И.Х. Гадаев практически каждый день видел, как в тюрьму привозят новых заключенных — его земляков. Сотрудники милиции постоянно твердили, что после захвата заложников в Театральном центре на Дубровке этих людей ничего хорошего не ждет.

Хусейн Ибрагимов, 1973 г.р., проживает с глухонемой матерью и имеет в Москве регистрацию по месту жительства. Днем 6 ноября к нему домой пришли сотрудники ОВД «Даниловский» и предложили проехать в отделение милиции для проверки. Хусейн две недели назад уже проходил эту процедуру, но сотрудники ОВД сказали, что данные потерялись и надо их повторить. В отделении сняли отпечатки, заполнили опросный лист и отпустили. Хусейн вышел из отделения — и тут же был остановлен двумя другими сотрудниками того же ОВД. Хусейн сказал, что только что вышел из их отделения, хотел достать паспорт, но сержант его остановил, сказав, что достанет документы сам.

Спектакль был разыгран по обычному сценарию. Быстро обшарив карманы Хусейна, он извлек паспорт, и в этот момент Хусейн почувствовал, что ему что-то подложили. Сотрудники милиции завели его в ближайшую парикмахерскую, тут же привели понятых и попросили вынуть все из карманов. Среди прочего оказался и пакетик с белым веществом. Хусейна отвели обратно в ОВД, посадили за решетку и начали оформлять протокол о возбуждении уголовного дела по статье 228.1 — хранение наркотиков. Позвонить родственникам ему не дали.

В конце дня глухонемая мать Хусейна стала волноваться, но ничего не могла предпринять. Поздно вечером зашли родственники, и она с трудом объяснила им, что сына увела милиция. Родственники связались с Комитетом «Гражданское Содействие», где еще были сотрудники. Они позвонили в

отделение. Дежурный подтвердил, что Хусейн находится там, подозревается в совершении уголовного преступления, предложил прийти для разговора с начальником ОВД А.М. Ладзиным.

Когда на следующий — праздничный день 7-го ноября — Светлана Ганнушкина, Елена Буртина и испанский журналист, собирающий материал для статьи о преследованиях чеченцев, пришли в дежурную часть, это вызвало сначала замешательство, а потом агрессию. Дежурный в грубой форме стал требовать, чтобы пришедшие покинули ОВД и ждали перед дверью, когда их вызовут. Пока они ожидали приглашения, сотрудники милиции вывели Х. Ибрагимова из ОВД и повезли в Симоновскую прокуратуру.

С.А. Ганнушкина и ее спутники узнали об этом 40 минут спустя, отправились в прокуратуру и чудом успели. Помощник прокурора Д.Н. Репина, молодая женщина, узнав, что С.А. Ганнушкина — член Комиссии по правам человека при Президенте РФ, разрешила им присутствовать при допросе. Допросив Х. Ибрагимова и услышав его рассказ о произошедшем, Репина не дала согласия на ходатайство ОВД об избрании ему меры пресечения в виде содержания под стражей. При этом Д.Н. Репина попросила дознавателя передать задержавшим Хусейна сотрудникам отделения Семенихину и Иванову, что если их однажды посадят, она не будет удивлена. Хусейна вместе с дознавателем и адвокатом, который был приглашен ему в прокуратуре, отвезли в ОВД для оформления подписки о невыезде. Хусейна ввели в помещение ОВД на глазах у приехавших следом сотрудников «Гражданского содействия». Однако более часа дежурные ОВД отрицали, что Ибрагимов у них. Наконец, Ганнушкиной разрешили зайти в кабинет следователя, откуда она вышла уже вместе с Хусейном.

Адвокат Хусейна Ибрагимова Т.К. Долбнева, сотрудник Сети «Миграция и Право», показала несостоятельность обвинения, поскольку были выявлены большие нарушения со стороны сотрудников милиции: обыск, проведенный на улице, не был санкционирован; заключение под стражу было необоснованным; ногти для экспертизы были острижены грязными ножницами, рассыпаны на столе и только потом помещены в старый пакет. Кроме того, о содержимом пакетика, найденного у Хусейна, в протоколе говорилось, как о веществе серого цвета, а в акте экспертизы, признавшей вещество наркотическим, оно названо белым.

Однако перед заседанием суда родственники Хусейна Ибрагимова заявили адвокату, что решили изменить позицию на признание «вины», выразив убежденность, что в этом случае он получит полгода условно. **На суде в декабре 2002 г. Хусейн признал себя виновным и действительно получил свои условные 6 месяцев.** После вынесения приговора родственники немедленно увезли его из Москвы.

Магомед Саид-Эмиевич Седиев, 1974 г.р., уроженец с. Старые Атаги Чеченской Республики, по образованию педагог, женатый, имеющий двух детей 10 и 3 лет (старший из них — инвалид 1-й группы), проживает с семьей в

Москве, имеет регистрацию по месту проживания, работает экспедитором по поставке молочной продукции.

В 1999 г. после взрывов жилых домов в Москве привлекался к уголовной ответственности по поводу обнаруженных «следов гексогена». Тогда ему подбросили несколько граммов взрывчатки. В 2000 г. был осужден по ст. 222.1 на 6 месяцев условно. Судимость погашена.

9 ноября 2002 г. М.С. Седиева пригласил для беседы участковый уполномоченный. Выйдя от него, М.С. Седиев направился в магазин за продуктами, и у входа был задержан сотрудниками ОВД «Выхино», при задержании в его карман был подложен пакетик с 0,76 г марихуаны. Тут же его посадили в машину, отвезли в милицию. Узнав о задержании Магомеда, жена Седиева с маленьким ребенком отправилась в милицию, где ей в грубой форме было предложено собирать справки о том, что ее муж не состоит на учете как наркоман.

Против Седиева было возбуждено уголовное дело по ст. 228.1 УК РФ, он был взят под стражу и препровожден в Бутырскую тюрьму. Дело было передано в Кузьминский районный суд. В феврале 2003 г., по предварительной договоренности с прокурором, М.С. Седиев на суде признал «вину», сказав, что какая-то старуха дала ему марихуану. М.С. Седиев не сомневался, что иначе ему дадут большой срок, его «дело» было сфабриковано умело. **В результате «признания» он был приговорен Кузьминским районным судом к сроку на 1 год условно.**

К Аслану Курбанову, 1980 г.р., пришли домой 28 октября 2002 г. два сотрудника угрозыска из 172-го отделения милиции. Аслан в это время спал, его разбудили, проверили паспорт, справку о регистрации. После этого предложили пройти в отделение милиции, заверив, что снимут отпечатки пальцев и быстро отпустят. Аслан оделся в чистую (только что выстиранную) рубашку и ушел с ними. Через 3 часа его родственница Мовсарова Зура Халитовна, аспирантка одного из московских вузов, пошла за ним. Ей сообщили, что он задержан за хранение наркотиков. Зуре дали с ним поговорить, и Аслан рассказал, что сотрудники милиции достали из ящика пакет и сказали: «Это будет твоим», сам он к пакету не прикасался, под давлением подписал протокол, в котором ничего не было сказано насчет наркотиков, это вписали потом. Сказал, что его запугивали, говорили, что в любом случае сядет на 3 года. Совершенно очевидно, что, направляясь из дома в отделение милиции, Аслан не стал бы класть себе в карманы пакеты с наркотиками. Как обычно, сотрудники милиции в протоколе записали ложные сведения, указав, что он задержан на улице, а не взят из квартиры. Нагатинский суд не удовлетворил ходатайство адвоката об его освобождении под подписку о невыезде.

10 января 2003 г. в Нагатинском районном суде состоялось слушание дела. По предварительной договоренности с судьей Аслан Курбанов признал вину и был осужден на 6 месяцев. 25 апреля он был выпущен на свободу.

Активность милиции в период после теракта на Дубровке не ограничивалась Москвой.

Братья Аслан Сайпудинович Исламгериев, 1981 г.р., Камалдин Сайпудинович Исламгериев, 1979 г.р., проживают в Москве. Несколько лет назад мать, опасаясь за жизнь сыновей, вывезла их из Грозного в Москву к родственникам. Аслан — студент Российского Университета Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы.

Саламбек Асланбекович Дахшукаев, 1981 г.р., постоянно проживает в Москве, занимается мелким бизнесом.

В 2002 г. братья Исламгериевы и Саламбек Дахшукаев решили заняться поставками леса по контракту. Для этого они выехали в Пензу — Камалдин в августе, а Аслан и Саламбек присоединились к нему в сентябре. В Пензе они жили в квартире, которую арендовали у жены участкового инспектора.

27 октября все трое были задержаны сотрудниками Пензенского РУБОПа, проявившими необыкновенную бдительность, заподозрив их в причастности к событиям в Москве в Театральном Центре на Дубровке. Почти месяц они содержались в изоляторе и приемнике-распределителе г. Пензы. Все это время их жестоко избивали сотрудники правоохранительных органов, заставляя признаться, что они участвовали в захвате заложников в Москве.

Матери молодых людей, приехавшие в Пензу, не могли получить никакой информации о причинах их задержания. Местные адвокаты отказывались брать на себя их защиту. Один из них предпринял безуспешную попытку встретиться с задержанными и выяснил, что обвинение им не предъявлялось.

В Пензу привозили на опознание одну из пострадавших зрительниц, и та якобы опознала в задержанных террористов с Дубровки. На опознании рядом с избитыми, грязными, заросшими щетиной чеченцами поставили аккуратно одетых, чисто выбритых светловолосых молодых людей.

Спустя почти месяц после задержания матерям сказали, что скоро им вернут сыновей. Каждый день им говорили: «Приходите завтра».

21 ноября им сообщили, что ФСБ забрала их сыновей в Москву.

В Москве делом Исламгериевых и Дахшукаева занялось Управление по расследованию бандитизма и убийств Прокуратуры г. Москвы (следственная группа по теракту на Дубровке). Для их защиты нами был приглашен адвокат Абу Гайтаев.

Проведенная проверка показала их непричастность к захвату заложников на Дубровке. Все трое были освобождены из-под стражи 1 декабря 2002 г., **а уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям.**

После освобождения Исламгериевым и Дахшукаеву пришлось обратиться за медицинской помощью: избиения, которым они подвергались в подразделениях Пензенского ГУВД, не прошли для них бесследно. Обращаться с заявлением о возбуждении уголовного дела против сотрудников правоохранительных органов Пензы они не стали.

Спустя почти два месяца после их освобождения, в субботу 25 января 2003 г., по телевидению (компания ТВС) в новостях дважды прошел сюжет о доблестном ГУВД г. Пензы, которому по своей инициативе удалось проследить, оперативно разработать и задержать трех чеченцев, прибывших из Москвы после участия в террористическом акте на Дубровке. По словам начальника ГУВД Пензы, они доставлены в Москву и доказано, что они — террористы, которые непосредственно находились в Театральном центре. Имена их не были названы.

По этому поводу сделаны запросы на ТВС, в МВД и ГУВД Пензы. Через месяц были получены ответы, из которых следовало, что в телепередаче речь шла действительно о давно закрытом деле Исламгериевых и Дахшукаева. ГУВД Пензы сообщило, что после передачи подозреваемых в Москву они ничего не знали об их судьбе и об их невиновности. Компания ТВС получила от нас эту информацию, но не предала ее гласности. (Переписку депутата Государственной Думы В.В. Игрунова по делу Исламгериевых и Дахшукаева см. в Приложении 6.)

В редких случаях, когда дела были прекращены следственными органами, механизмы их фабрикации особенно ясно видны из текста постановлений о прекращении.

Дело Хаяури.

Уголовные дела, возбужденные против **Ахмеда Магомедовича Хаяури и Хусейна Хизировича Хаяури** по ст. 228.1 УК РФ были прекращены благодаря вмешательству, **Магомеда Бесировича Хаяури**, первого заместителя министра социального обеспечения Чеченской Республики, отца и дяди обвиняемых.

Благодаря этому вмешательству было проведено объективное расследование, которое очень наглядно показывает технологию фальсификации подобных дел.

26 октября 2002 г. около 12 часов дня сотрудники ОВД «Марьино Роща» явились в квартиру, которую снимали студент 3 курса Московского строительного института **Ахмед Хаяури** и его двоюродный брат **Хусейн Хаяури**. Ахмеда и Хусейна пригласили в ОВД, где им подложили наркотики, составили протокол и возбудили уголовное дело. Во второй половине дня братьев направили на наркологическую экспертизу, которая не дала никаких результатов, подтверждающих, что они употребляли или держали в руках наркотики. Несмотря на незначительность обвинения и наличие у подозреваемых определенного места жительства в Москве, домой их не отпустили.

Через 48 часов, когда допустимый срок задержания истекал, дознаватели ОВД «Марьина Роща» направили в Останкинскую межрайонную прокуратуру г. Москвы постановления о возбуждении перед судом ходатайств об избрании братьям Хаяури меры пресечения в виде заключения под стражу. Прокуратура обратилась в Останкинский районный суд, который эту меру пресечения и избрал. Оснований для такого решения не было, поскольку опасности для общества Ахмед и Хусейн Хаяури не представляли. Однако на время ведения следствия они были помещены в Бутырскую тюрьму.

4 ноября 2002 г. им было предъявлено обвинение в приобретении и хранении наркотиков, при этом в протоколе было сказано, что наркотики были обнаружены у них на улице вечером в 16.00 при проверке документов.

Активные действия семьи Хаяури и общественная поддержка привели к успеху. Следователь ОВД «Марьина Роща» ст. лейтенант юстиции Д.В. Попов 26 декабря вынес постановления о прекращении уголовных дел в отношении обоих братьев.

Приведенные ниже выдержки из дела А.М. Хаяури показывают, как на самом деле несложно было установить истину и принять законное и справедливое решение.

«В ходе расследования уголовного дела было установлено, что фактически Хаяури А.М. был задержан сотрудниками милиции не в 16 час. 00 мин., а в 11 час. 45 мин. в квартире по адресу: ХХХ и доставлен в ОВД «Марьина Роща», что подтверждается показаниями милиционера Иощенко В.В. и измененными показаниями милиционера Казака А.Г., также показаниями дежурных Семенова А.И., Попова А.М., выпиской из книги учета доставленных в ОВД «Марьина Роща» гор. Москвы, а также материалами административного производства в отношении Хаяури А.М.

Кроме того, было установлено, что в период времени с 16 час. 00 мин. до 17 час. 00 мин. Хаяури А. М. находился на медицинском освидетельствовании в наркологическом кабинете на Сигнальном проезде в г. Москве, о чем свидетельствуют протокол медицинского освидетельствования от 26.10.2002 г. В протоколе личного досмотра и изъятия указано время начало досмотра 16 час. 50 мин. и время окончания — 17 час. 10 мин., что явно не соответствует действительности. Данные обстоятельства также подтверждаются показаниями вышеуказанных сотрудников милиции, а также показаниями врача Гришиной М. Н., выпиской из журнала учета освидетельствуемых, направлением дежурного на освидетельствование.

Кроме того, в ходе следствия было установлено, что Хаяури А.М. не состоит на учете у нарколога и психиатра, ранее не судим, согласно протоколу мед. освидетельствования состояния одурманивания у него выявлено не было, в пробе мочи никаких наркотических веществ не обнаружено; согласно заключению химической экспертизы на смывах с его рук никаких следов наркотических веществ не обнаружено.

В связи с чем следствие, проанализировав все обстоятельства уголовного дела, приходит к выводу, что доказательств, подтверждающих вину Хаяури А.М. в совершении преступления, предусмотренного ст. 228 ч. 1 УК РФ собрать не удалось. Первоначальные материалы уголовного дела (рапорт о задержании, протокол личного досмотра, первоначальные показания сотрудников милиции), послужившие основанием для возбуждения уголовного дела в отношении Хаяури А. М. и последующего предъявления ему обвинения, **явно не соответствуют действительности и не могут быть положены в основу обвинения Хаяури А. М. в совершении преступления, предусмотренного ст. 228 ч. 1 УК РФ».**

Сведений о том, что виновные в фальсификации дела понесли наказание, не имеется. Магомед Бесирович Хаяури увез сына и племянника в г. Грозный, решив, что Москва — более опасный для чеченских юношей город. Ахмед Хаяури был вынужден прервать обучение в институте.

Дело Хуцуруевых

Это дело, как и дело Хаяури, типично. На сей раз с целью изоляции чеченцев им были подложены не наркотики, а оружие.

5 ноября 2002 г. дознанием ОВД Савеловского района были возбуждены уголовные дела по ст. 222.1 (хранение оружия) в отношении **Рухмана Висхаджиевича Хуцуруева и Мусы Висхаджиевича Хуцуруева.**

Согласно материалам дела, 4 ноября в номере гостиницы «Морфлот» по адресу: ул. Бутырская, д. 79 в ходе личного досмотра у Рухмана в 15.25 был изъят пистолет «ТТ», а у Мусы в 15.55 — граната «РДГ-5» с запалом.

6 ноября в отношении Хуцуруевых были вынесены постановления о возбуждении перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Заместителем Савеловского прокурора г. Москвы К.А. Юрздицким в даче согласия на арест Хуцуруевых отказано **по причине нарушения сотрудниками ОБОП норм УПК** при проведении оперативных мероприятий при изъятии оружия у Хуцуруевых.

В материалах дела сказано, что пистолет и граната были изъяты при личном досмотре Хуцуруевых и их вещей. Однако во время личного досмотра Хуцуруевы сидели в кухне в наручниках. Из их одежды ничего не изымалось. Понятых не было, они появились только через 25 минут после начала досмотра. Пистолет и граната были изъяты из дорожной сумки и чемодана в комнате, где длительное время находились только сотрудники милиции. До этого дознавателем был произведен осмотр квартиры, при котором ничего запрещенного обнаружено не было. Хуцуруевы показали, что сотрудники милиции находились в квартире без понятых более двух часов, это подтвердили показания всех допрошенных лиц, которые показали что сотрудники милиции

вошли в 12.30, а протоколы личного досмотра были составлены в 15.25 и в 16.00. При изъятии оружия Хуцуруевы не присутствовали, пистолет и гранату впервые увидели, когда их принесли из комнаты в кухню сотрудники милиции.

Следователь отдела дознания Савеловского р-на УВД САО г. Москвы, лейтенант милиции Н.А. Кобыляцкая, рассмотрев материалы этих уголовных дел, установила грубые нарушения закона при проведении оперативных мероприятий, «вследствие чего составленные процессуальные документы потеряли доказательственную силу», и 26 ноября 2002 г. вынесла постановление о прекращении в отношении Хуцуруевых уголовного преследования.

Благодаря принципиальной позиции прокуратуры и следственных органов братья Хуцуруевы остались на свободе. К сожалению, такая позиция является редким исключением из общего правила.

Последней приведем историю задержания Адама Устарханова, которая кончилась трагически и едва ли будет доведена до суда над виновными.

Дело Адама Устарханова

Вечером 22 ноября 2002 г. сотрудники отделения милиции «Царицыно» г. Москвы задержали на улице тридцатилетнего Адама Устарханова и доставили его в отделение милиции. Через несколько часов жестоко избитый Адам был найден на пустыре недалеко от отделения милиции с тяжелой черепно-мозговой травмой и следами наручников на запястьях. Его доставили в Московскую городскую больницу №7, где он, не приходя в сознание, скончался.

По словам родственников, в этот день Адам поехал на машине за пирожными к ужину и не вернулся. К утру им удалось узнать, что он находится в больнице.

Когда брат Устарханова приехал в больницу, он не смог узнать Адама, до такой степени тот был избит. Только по одежде понял, что это — он. Жена Адама Лилиана рассказывает, что в больницу приходили сотрудники милиции, которые угрозами добились разрешения врачей пройти в реанимационную палату. Днем 23 ноября Адама не стало. Его двое маленьких детей остались сиротами.

По чеченскому обычаю родственники решили похоронить Адама в Чечне. 26 ноября тем же рейсом, которым перевозили тело Адама, летела в Ингушетию руководитель Сети «Миграция и Прав» Светлана Ганнушкина. Она подошла к группе людей в трауре и выразила им соболезнование. Родственники Адама рассказали ей о случившемся.

Светлана Ганнушкина из самолета позвонила в Государственную Думу и просила депутата парламента В.В. Игрунова дать телеграмму в Генеральную Прокуратуру с просьбой взять следствие по делу Устарханова под контроль. В результате переписки выяснилось, что 26 декабря следственными органами МВД дело было уже закрыто. По письму депутата следствие возобновилось и было передано для расследования в Нагатинскую прокуратуру г. Москвы.

Однако в начальный период было многое упущено, не собраны вещественные доказательства, в том числе на месте обнаружения потерпевшего не исследованы следы и другие возможные улики, которые там с большой степенью вероятности могли быть найдены.

Долгое время единственным опрошенным свидетелем по делу оставалась Светлана Ганнушкина, как получившая сведения из первых рук вскоре после происшествия. Родственники Адама боялись давать показания и начали делать это только после приглашения нами адвоката для защиты их интересов.

Следователю удалось определить сотрудников милиции, задерживавших Адама. Они признались, что увезли его в отделение и надели наручники, но отрицают факт избиения. Они утверждают, что отпустили Устарханова и не знают, кем он был избит и выброшен на пустырь. Есть основания полагать, что следователь находится под давлением руководства отделения милиции и не решается задержать подозреваемых. Им даже не предъявлено обвинение. Многого могла бы прояснить серьезная работа с врачами, которые также могут бояться находящихся на свободе угрожавших им сотрудников милиции. Было направлено ходатайство о передаче следствия на более высокий уровень в органы городской или Генеральной прокуратуры. Но ходатайство не было удовлетворено.

Надежды, что это дело будет доведено до конца и сотрудники милиции, виновные в смерти А. Устарханова, будут наказаны, практически нет.

С точки зрения расследования теракта тотальная проверка чеченцев, подбрасывание им оружия и наркотиков и проч. не имели ни малейшего смысла, и никто из исполнителей акции всерьез не рассчитывал, что все эти «объяснения», дактилоскопирование, фотографирование, измерение роста, засорение следственных органов и судов сфабрикованными делами смогут продвинуть следствие в раскрытии этого преступления.

Очевидно, сотрудникам милиции необходимо было провести предписанный набор действий по отношению к возможно большему числу чеченцев и отчитаться. Для некоторых из них — это была еще и возможность дать выход дурным инстинктам.

В то же время можно усмотреть смысл акции для ее организаторов — руководителей Прокуратуры и ГУВД Москвы. Возможно, проведением такой масштабной кампании эти ведомства пытались нейтрализовать критику в свой адрес за то, что они допустили в центре столицы захват около 1000 заложников. Нельзя исключить и того, что массовым унижением чеченцев руководители правоохранительных органов Москвы солидаризировались с руководством страны, которое оказалось бессильным в решении «чеченского вопроса», а также компенсировать свой собственный страх, пережитый в трагические октябрьские дни 2002 г.

Незадолго до завершения настоящего доклада нам удалось получить ответ Генеральной прокуратуры на запрос о результатах рассмотрения судом

уголовных дел по преступлениям, совершенным против мирного населения Чечни военнослужащими во время второй волны военных действий, т.е. с 1999 г.

Таких дел было направлено в суды всего 58, проходило по ним 74 человека, признаны виновными 51 человек: 7 офицеров, 3 прапорщика, 22 контрактника и 19 призывников. Все назначенные офицерам наказания условны.

Старший лейтенант А. отдал подчиненным приказ выехать из части в населенный пункт и открыть огонь по жилым домам, повредив их (степень повреждения не указана). Приговор военного суда — 3 года условно.

Тот же приговор вынесен в отношении ст. лейтенанта Б., задавившего бронемашиной двух человек, один из которых скончался.

Капитан В. при следовании военной колонны смертельно ранил выстрелом из автомата местного жителя, за что получил 1 год поселений.

Подполковник Г., как сказано в ответе Прокуратуры, по ошибке выбрал для минометного обстрела неправильные координаты цели. Погибли двое малолетних детей, один подросток был тяжело ранен. Приговор — 4 года условно с испытательным сроком 1 год.

Прапорщик Д. в недостроенной казарме изнасиловал женщину, судя по фамилии, русскую. Насильник получил 4 года условно, с отсрочкой на 5 лет.

К солдатам военный суд гораздо более строг, некоторые из них получили за убийство срок свыше 10 лет.

Сравнив строгость наказания за преступления, совершенные военнослужащими в Чечне, и за те, в которых обвинялись ВПЛ в Москве, приходится сделать очевидный вывод. Принцип равенства граждан перед законом и судом не действует сегодня в России.

II. 3. Как в Комитете «Гражданское содействие» правоохранительные органы ищут боевиков

Бдительность и еще раз бдительность!!!

Председатель Комитета Светлана Ганнушкина

Посещение ФСБ

В восемь вечера 10 ноября 2002 г. сразу после Конференции «За прекращение войны и установление мира в Чеченской республике» нас посетило ФСБ. Оно явилось в виде двух молодых людей, напугало старого чеченца – нашего сторожа Усама Дадаевича Мамадаева и бухгалтера Валентину Петровну, потребовало уставные и прочие документы.

Валентина Петровна сказала, что все в сейфе, ключ от которого у руководителя организации. А мудрый Усам Дадаевич позвонил мне на мобильный телефон. В это время я показывала вечернюю Москву члену немецкого парламента,

которого пригласила на Конференцию. Когда сотрудникам удалось соединиться со мной, я попросила позвать гостей к телефону. Им я сказала, чтобы они не пугали людей приходом в неурочное время и зашли завтра днем. Незваные гости послушались и немедленно удалились.

На следующий день в час дня они снова появились в нашей приемной. Я их приняла строго, переписала номера их удостоверений. Посетители быстро согласились, что в нашу организацию едва ли могут прийти террористы, поскольку как объект их деятельности мы им не интересны, а как источник благотворительности – не нужны.

Мы побеседовали о том, что фирмы, регистрирующие за деньги, милиция, подбрасывающая наркотики, и коррупция — это и есть проблемы национальной безопасности. Я передала в ФСБ списки тех, кому подброшены наркотики и просила принять меры. Потом попросила их проверить слух, упорно циркулирующий в Чечне, о том, что Арби Бараев сотрудничал, а его люди и сейчас сотрудничают с ФСБ. Это взволновало одного из гостей, и он резко прервал меня, заявив, что у меня нет доказательств. Я ответила, что ничего и не утверждаю. Но у тех, кто их к нам направил, тоже не было доказательств. Если они, как было сказано, проверяют нас по некой, пришедшей к ним информации, то почему бы не проверить и этот слух.

Мы обменялись телефонами, и они удалились, ни с чем. Что еще я могла им предложить? В просьбе показать нашу базу данных я была вынуждена им отказать, поскольку мы обязаны охранять персональные данные людей, доверившихся нам. Если они имеют конкретные вопросы о лицах, подозреваемых в совершении преступления, сказала я, мы готовы обсудить возможность сотрудничества. С милицией и прокуратурой мы успешно сотрудничали по нескольким реальным уголовным делам.

Еще одна тема, которую мы обсудили, касалась некоего анонимного звонка.

Сразу после событий в Театральном центре на Дубровке нашему соседу по офису позвонил доброжелатель и спросил, к нему ли приходят толпы чеченцев. Тот ответил, что они приходят к нам. Тогда позвонивший просил передать нам, что мы должны немедленно прекратить это, если хотим жить. После предложения представиться звонивший положил трубку. Сосед просил нас прервать на время прием чеченцев. К чести нашего администратора, Ирины Шестаковой, она без обсуждения со мной и другими членами организации ответила, что это исключено. О звонке я сказала сотрудникам ФСБ, они удивились, что мы не слишком испугались и не заявили об этом случае в правоохранительные органы.

Посещение Угрозыска

Днем 5 января 2003 г. в нашем Комитете был неприемный день, работали только бухгалтер Валентина Петровна и компьютерщик Лом-Али Тасуев. Дежурил, как всегда по выходным, Усам Дадаевич.

К концу второй половины дня пришли два сотрудника Угрозыска. Сначала говорили со сторожем, который им сказал: «Нас проверять нечего: нас знает Путин, мы с ним встречались», имея в виду, что с Путиным встречалась я. Они ответили, что, по их сведениям, нас знает Шамиль Басаев. На что Усам Дадаевич ответил: «А вы поймайте его, тогда и спросим!». Надо сказать, что наш Усам Дадаевич – человек чрезвычайно основательный, положительный, «с работы за всю жизнь гвоздя не унес». Он большой патриот, говорит о нем Валентина Петровна, имея в виду, что он патриот «Гражданского содействия». Дискуссию о нашей организации, ее целях и связях она прервала, предложив пришедшим поговорить со мной по телефону. Сначала они отказались.

Проверили документы у Лом-Али, спросили, почему он на работе в неприемный день. Он объяснил, чем занят, и рассказал о работе организации, дал им наш буклет. Они были очень удивлены тем, что мы помогаем не только чеченцам. Спросили, не является ли наша организация чеченским информационным центром. Когда-то они уже посетили нас анонимно и видели на доске объявлений записки жителей Чечни о поисках родственников. Им объяснили, что это было и не раз во время активизации военных действий, когда люди теряют след своих близких. Наконец, пришедшие согласились поговорить со мной по телефону. Мы договорились о встрече на 8 января.

В назначенное время пришли те же двое. Разговор был довольно нелепый. Они выдвигали различные идеи о том, чего могут желать боевики от нашей организации. В отличие от представителей ФСБ, им логика моих возражений не казалась убедительной. На мой вопрос о том, что станет делать у нас боевик, – взгляд инквизитора и ответ с угрозой в голосе: «А я не знаю!». Спрашивали, ночует ли у нас кто-то, кроме дежурного, может ли дежурный пустить ночью посторонних. Я ответила, что скорее пушу я, как более жалостливая, но делаю это крайне редко. Однажды пришлось разрешить ночевать у нас несколько дней подряд матери нашего курьера Юли. «Она чеченка?» — «Нет». — «Тогда она нас не интересуется».

Их не интересуют афганцы, грузины, армяне. Их не интересуют их собственные коллеги, пропустившие в Москву вооруженных террористов. Они ищут только чеченцев.

У них была и более определенная задача: получить сведения о трех конкретных лицах. Принцип отбора очевиден: двое были идентифицированы, как Залмановна и Лайма.

К Людмиле Залмановне Гендель интерес был полностью потерян, как только они узнали, что Залман распространенное еврейское имя, а Людмила Гендель родилась и выросла в Москве и работает в системе Российской академии наук. С трудом удалось их убедить, что Лайма латышское имя и означает «счастье», а нашу сотрудницу зовут Лайла или Лейла. Она – действительно чеченка, замужем за русским и живет в Москве постоянно с 1994 г.

Последнее имя посетители забыли. Они позвонили в свою контору, попросили сотрудника поискать бумажку, на которой были записаны имена интересующих

их людей. Сотрудник бумажки не нашел. Гости ушли, но обещали вернуться, как только вспомнят, с кем еще они у нас хотели бы познакомиться.

Не возвращались, видимо, все еще вспоминают.

III. ВПЛ в Ингушетии

С лета 2002 г. угроза выселения беженцев из лагерей Ингушетии в Чечню стала неотвратимой реальностью. К ВПЛ применялись методы жесткого давления: угрозы, вычеркивание из списков на продукты, прекращение гуманитарной помощи, отключение газа и электричества. Лагерь «Иман» в селении Аки-Юрт был ликвидирован. Людей вывезли в Чечню, но большая их часть возвратилась и расселилась рядом с лагерем, в складах, сараях местных жителей, технических помещениях.

В Ингушетии ВПЛ уже четвертый год живут в невыносимых условиях. Кроме палаток, они расселились в курятниках и свинарниках, где испарения от полов грозят отравлением, на территориях заброшенных предприятий, — везде, где есть крыша над головой. Они с готовностью заняли бы те 4,5 тысячи относительно благоустроенных мест, которые приготовлены для них в пунктах временного размещения (ПВР) в Чечне, и начали бы восстанавливать свое жилье. Людей останавливает постоянная опасность для жизни, которая неотступно преследует их там. Особенному риску подвергаются молодые мужчины. Приведем всего один пример. Теус Гаипова из лагеря «Белла» поехала в Чечен-Аул похоронить отца, который отказался покинуть свой дом и не выезжал из Чечни. Теус взяла с собой семнадцатилетнего сына, чтобы он простился с дедом. Теус похоронила и отца и сына. Ночью к ней в дом ворвались военные и расстреляли юношу на глазах у матери, объявив, что ее сын боевик, пришедший домой отдохнуть.

Только вмешательство Комиссии по правам человека при Президенте РФ приостановило принудительное возвращение жителей лагерей в Чечню, где опасность для жизни так велика, что отсутствие воды, тепла, инфраструктуры и даже крыши над головой воспринимаются лишь как незначительное неудобство.

Комиссия дважды выезжала в Ингушетию и Чечню и направила Президенту РФ доклад, который удалось согласовать с официальными лицами (см. ниже). В докладе оценивается гуманитарная ситуация и содержатся практические предложения по ее улучшению и не только в лагерях.

Жесткие формы давления на ВПЛ были сняты. Местные правозащитники в марте 2003 г. встречались с президентом Республики Ингушетия Муратом Зязиковым, который заверил их, что не допустит принудительного возвращения беженцев в Чечню.

Однако власти настойчиво продолжают убеждать ВПЛ переехать в Чечню. В последнее время принцип «кнута» сменился принципом «пряника». Жителей

лагерей убеждают, что им будет выплачена компенсация за утраченное имущество, но сделано это будет только в том случае, если они переберутся в Чечню. До сих пор нет никаких правовых документов, которыми определялась бы такая компенсация. Однако люди готовы поверить всему, что дает им надежду на возвращение к мирной жизни на своей земле.

Отметим еще одну проблему, связанную с переселением ВПЛ из палаточных лагерей в Чечню. Недавно к нам поступило обращение жителей дома № 24 по ул. Чайковского в Грозном, куда намерены переселять жителей лагеря «Белла». Дом прежде принадлежал и по закону принадлежит швейному объединению, работники которого в нем проживали. Часть квартир была приватизирована. Теперь, когда дом отремонтирован и передается под пункт временного размещения, его жильцы, проживающие в настоящее время у родственников и в других ПВР, пытаются настаивать на своем неоспоримом праве вселиться в свои квартиры. Им в этом отказывают. Мэр города О.М.Жидков заявил, что дом будет заселяться беженцами, возвращающимися из Ингушетии, так как властям необходимо ликвидировать палаточные лагеря.

Однако такой подход представляется не только неправомерным, но и безнравственным: нельзя решать проблемы одних обездоленных людей за счет других. Лишая последних принадлежащей им по праву собственности, власти еще раз демонстрируют, как далеко еще в Чечне до правовых в решении любых проблем.

III. 1. Война палаткам.

О попытке ликвидации палаточных лагерей в ноябре 2002 г.

*Светлана Ганнушкина, член Правозащитного центра «Мемориал»
26–29 ноября, Ингушетия-Чечня*

По данным ФМС МВД РФ на май 2002 г. число жителей Чеченской Республики, покинувших места постоянного проживания в 1999-2001 гг. (беженцев или, согласно международному праву, внутриперемещенных лиц), несколько превышало 362 тысячи. Из них 197 тысяч обосновалось в Чечне — 12 тысяч в ПВР, остальные у родственников и знакомых. В Ингушетии разместилось 146 тысяч беженцев, 30 тысяч в лагерях для беженцев, 32 тысячи в арендуемых помещениях, остальные у частных лиц. Только 20 тысяч беженцев из Чечни, по сведениям ФМС, находилось в других регионах России, и не более одной тысячи из них было расселено в пятнадцати ЦВР, расположенных в разных регионах РФ.

По официальным данным, всего 12,5 тысячи жителей внутриперемещенных лиц получили статус вынужденного переселенца. Это, «в подавляющем

большинстве, граждане нетитульной национальности или смешанные семьи» (из ответа заместителя министра А.П. Благовидова от октября 2001 г.). Статус предоставлялся «в связи с наличием обстоятельств вынужденного переселения с прежнего места жительства, предусмотренных Законом «О вынужденных переселенцах», а именно, совершенного в отношении заявителя и членов его семьи насилия или преступления, а также обоснованных опасений подвергнуться преследованию по признаку национальной принадлежности и вероисповедания» (там же). Таким образом, чеченцы никакого статуса не получили, поскольку не удовлетворяли, по мнению ФМС, приведенному выше определению. На этом основании в ЦВР с лета 2002 г. чеченские семьи прекратили обеспечивать питанием. Всем чеченцам, в том числе и поселившимся у знакомых, администрация и сотрудники МВД во всех регионах настойчиво предлагают возвратиться в Чечню.

Однако беженцы не хотят возвращаться в Чечню. Причины этого известны: в первую очередь, **отсутствие гарантий безопасности**, противоправные действия, чинимые представителями федеральных войск, особенно в ходе постоянных «зачисток», которые теперь называются адресными, но не стали более обоснованными. Кроме того, не восстановлена инфраструктура: отсутствует бесперебойная подача газа и электричества, большие проблемы с водоснабжением, жилой фонд по-прежнему разрушен.

Нормы международного права не допускают возвращения беженцев в отсутствие безопасности, удовлетворительных социальных условий и их собственного добровольного волеизъявления. («Руководящие принципы по вопросу внутриперемещенных лиц», ООН. 1998 г.) **Обеспокоенность намерениями властей принудить беженцев к возвращению неоднократно выражалась руководством УВКБ ООН, звучало во всех резолюциях ПАСЕ, касающихся событий в Чечне.**

Однако с начала второй волны военных действий, называемой антитеррористической операцией, делались попытки сначала не выпустить жителей из Чечни, а позже вернуть их обратно, во что бы то ни стало. Уже в декабре 1999 г. из лагеря «Северный» ночью несколько вагончиков с людьми было перевезено в Чечню.

Каждую весну в течение трех лет беженцам объявлялось, что к осени все они возвратятся домой, где им будет обеспечена нормальная мирная жизнь и приемлемые социальные условия. Однако активное сопротивление беженцев удерживало до сих пор власти от решительных действий. Беженцы, в буквальном смысле, вели борьбу за жизнь. В этом их поддерживали гуманитарные и правозащитные, в том числе международные, организации.

В мае 2002 г. был составлен более внушительный документ о возвращении беженцев из Ингушетии в Чечню «План мероприятий по завершению работы по возвращению в Чеченскую Республику внутриперемещенных лиц с территории Республики Ингушетия», подписанный 29 мая новым Президентом Ингушетии М.М. Зязиковым и главой администрации Чечни А.А. Кадыровым,

утвержденный В.В. Елагиным и В.Г. Казанцевым. Предполагалось, что беженцы возвратятся в Чечню до конца октября 2002 г. (п.12).

Все необходимые документы о финансировании переезда, содержания и питания возвращающихся намечалось подготовить к июню 2002 г. (п.15), тогда же — завершить ремонтно-строительные работы в восьми пунктах временного размещения (ПВР) и к сентябрю подготовить места еще для 10000 человек (пп.16 и 17).

Планировалось, кроме того, организовать мероприятия по **обеспечению безопасных условий проживания возвращающихся в Чечню** (п.20).

На сегодняшний день можно констатировать, что все перечисленное осталось невыполненным.

В первую очередь это относится к п.20 плана. В Чечне ежедневно исчезают люди во время так называемых адресных зачисток, по ночам совершаются убийства, обстрелы населенных пунктов. Каждый молодой мужчина находится под пристальным и небеспристрастным вниманием военных, может быть принят за боевика или просто объявлен таковым со всеми вытекающими последствиями.

В Грозном 27 ноября 2002 г. глава администрации Чечни Ахмад Кадыров провел совещание с участием руководителей местных органов власти и представителей силовых ведомств. На этом совещании было принято решение каждую неделю направлять в Москву доклады о нарушениях прав жителей республики со стороны силовых структур. «Пока не будет четкого взаимодействия между гражданскими властями и силовиками в вопросах обеспечения безопасности и законных прав гражданского населения в Чечне, с возвращением беженцев мы будем испытывать определенные сложности», — сказал руководитель аппарата администрации Чечни, секретарь Совета безопасности республики Рудник Дудаев. «По нашим данным, за последний месяц пропали без вести около ста жителей республики», — сообщил Р. Дудаев. Таким образом, безопасность населения продолжает составлять в Чечне основную проблему.

Введено в действие всего 6 ПВР в г. Грозном, которых не хватает даже для тех, кто уже прибыл из лагерей в селе Знаменском (село на севере Чечни, где размещалось два ликвидированных летом сего года палаточных лагеря на 6 тысяч беженцев). Так в ПВР по ул. Новаторов 17, реально проживает 972 человека, а состоит на довольствии 1244. В ПВР по ул. Маяковского, 119, поместилось всего 846 человек, а числится 1775. Это значит, что более половины приехавших не были обеспечены обещанным жильем, а разместились, как сумели, в ожидании, что будут открыты новые ПВР или освободятся места в действующих. Снабжение газом и электричеством нерегулярное. Воду привозят в бочках, ее приходится носить ведрами на пятый этаж. В ПВР на ул. Новаторов от утечки газа произошел взрыв. Разрушено полностью 16 комнат, погиб один человек и восемь серьезно пострадали.

Все жители ПВР, включая охрану, жалуются на полную незащищенность от военных, особенно в ночное время, когда военнослужащие без документов и знаков различия разъезжают по городу на бронетранспортерах без номеров и опознавательных знаков.

Несколько небольших ПВР в поселках Ассиновская, Аргун, Серноводске были заполнены уже в мае 2002 г.

Еще с лета проходила информация о ликвидации палаточных лагерей и переселении их жителей в специально снятые помещения в Ингушетии и щитовые домики, которые готово было предоставить УВКБ ООН. Поскольку это сделано не было, беженцы приготовились провести еще одну зиму в лагерях и привели их в относительный порядок.

Представители власти многократно заверяли беженцев и общественные организации, что все необходимые условия возвращения будут ими строго соблюдаться. Эти заверения постоянно звучат и сейчас. В то же время события последних дней ноября в селе Аки-Юрт, где расположен один из палаточных лагерей «Иман», показывают, что это не так.

В этом лагере на конец мая 2002 г. проживало 3750 человек. Работала школа. С мая жители не получали продуктов от ФМС МВД, а довольствовались гуманитарной помощью Датского совета по беженцам. Начались постоянные перебои в обеспечении газом и электричеством. В начале сентября жителям лагеря предложили переехать в помещение винно-водочного завода, куда большинство категорически отказывалось въезжать из-за непригодности помещений и отсутствия там школы. Переехало всего 7 семей, которые находятся в постоянном напряжении, поскольку охрана приватизированного завода по требованию хозяина добивается удаления беженцев с территории, угрожая им насильственным изгнанием. Советы органов миграции — не обращать на это внимание — мало успокаивают беженцев, которые хорошо знают, чем могут кончиться угрозы вооруженных людей.

Осенью в самом палаточном лагере события начали разворачиваться необычайно стремительно. Прежде всего в сентябре при очередном обновлении списков проживающих в лагере многие беженцы не были в них включены. Сотрудники органов миграции утверждают, что это результат проверки, соответствующий реальной ситуации. Легко убедиться, что это не так. В списки проживающих не вошли учителя школы, работающие в лагере с момента его возникновения и по сей день. Все они: литератор Любовь Гайрбекова, историк Иса Давлетмирзаев, учительница начальных классов Белита Абдулхаджиева, математик Магомед Башаев, географ Малика Элимирзаева, — никак не могли отсутствовать в лагере долгое время, потому что с отъездом учителей из лагеря прекратила бы работу школа, а сообщество беженцев лишилось своей активной части, однако в списки проживающих и поставленных на довольствие не попали.

Вторым этапом стали участвовавшие посещения представителей федеральных и ингушских миграционных органов, местной администрации, комитета по беженцам правительства Чеченской республики. Пришедшие, как правило, не представляются, говорят все одно и то же: уезжайте, а то будет поздно. Угрозы не совсем определенные, хотя бывают и такие: **к 20 декабря** в Ингушетии не останется ни одной палатки; пока вы можете уехать — потом побежите. В лагере создалась нервная, напряженная обстановка. Люди боялись прямого насилия, обострилась не покидающая их тревога. Такая обработка шла нарастающими темпами и тревога достигла уровня паники.

Еще 20 ноября беженцев заверяли, что у них будет выбор. В лагере был организован штаб, куда предлагалось явиться и выбрать вариант переселения. Это ПВР в Чечне, частный сектор там же, а для несогласных ехать в Чечню — некое компактное расселение в снятые помещения, к которым отнесен, в частности, винно-водочный завод. Расселение в частном секторе в Чечне должно, по мысли миграционных органов, основываться на договоре между беженцем и владельцем жилья. В соответствии с принятыми 2 ноября поправками к Постановлению Правительства РФ «О восстановлении социально-экономической сферы ЧР» №163 возвратившийся беженец может получать 14 рублей в день на человека на найм помещения и 6 рублей на хлеб. Заключение договора о найме он может, как утверждают сотрудники ФМС МВД, даже с близким родственником, возможно, на пользование своим собственным жильем. Однако в предлагаемой форме договора не предполагается наличия миграционного органа в качестве стороны, гарантирующей оплату. Это вызывает особую тревогу, поскольку постоянные обещания оплачивать аренду тем жителям Ингушетии, которые поселили у себя беженцев, так и не были выполнены. Списки возможных наймодателей, содержащие около 400 адресов, вызывают опасения, поскольку беженцы не имеют возможности заранее связаться с предполагаемыми хозяевами.

В результате оказалось, что возможности остаться в Ингушетии у беженцев практически нет. Рассчитывать на аренду помещений у неизвестных им лиц не приходится. ПВРы в Чечне не содержат необходимого количества мест. Собственно, выбирать нечего.

Тем не менее, за неделю удалось добиться согласия покинуть лагерь тем, у кого сохранилось подобие жилья в Чечне. Едут со словами и ощущением отчаяния, с полным сознанием опасности вывозить в Чечню молодежь. За два дня, 27–28 ноября, когда события достигли особенной остроты, миграционные органы отправили в Чечню почти 200 человек. В эти дни количество сотрудников Комитета по беженцам ЧР, федеральных и местных миграционных органов, милиции, всевозможных представителей разнообразных органов в лагере исчислялось сотнями. Стоило семье подписать заявление о постановке на учет в Управлении по делам миграции МВД ЧР, как ее начинали торопить собираться, чтобы немедленно погрузить в пригнанные грузовики скарб, включая и палатку, и отправиться к развалинам своих жилищ. По всей видимости, многим придется поселиться в тех же палатках и снова заботиться об обеспечении

газом, электричеством, водой. Все это происходит в холодное время, посреди учебного года, в каком-то чрезвычайном порядке, чтобы **к сроку доложить о выполненной работе.**

Лагерь «Иман» в Аки-Юрте находится на границе Ингушетии, далеко от глаз большинства журналистов, доступ которых в село 27 и 28 ноября пытались ограничить. Это первая еще не завершенная попытка, если не насильственного, то принудительного возвращения беженцев в Чечню. Такая же участь ожидает и другие палаточные лагеря, а потом, вероятно, и другие поселения в Ингушетии, а также так называемый частный сектор. Это подтверждается повторением одной и той же схемы. В лагере «Барт» (около 4000 человек) отключают газ, организован штаб, где лежит тот же список предполагаемых наймодателей, те же угрозы и та же дата 20 декабря как крайний срок возможного проживания в лагере. Из списков на продукты исключено более полутора тысяч человек, большинство из которых живут в лагере. (Как ни странно, по словам руководителя управления по беженцам г. Грозного, по чьей-то не известной ему воле, именно «мертвые души» в списках остались.)

В лагере «Спутник» (около 7000 беженцев), где люди оказались более сплоченными, отстояли всех, кроме 100 человек. Но туда пришло предупреждение о прекращении подачи электроэнергии.

В лагере «Алина» проживает 3750 беженцев, но в списках осталось всего 3157. Кто принял решение об исключении семей из списков, никто не знает: «не могут найти крайнего». Приезжал из Москвы представитель ФМС МВД Петр Петрович Панасюк, пробыл в лагере 20 минут. Местные сотрудники говорят, что это было его решение. Беженцы пытались потребовать предъявить акты об исключении их из списков, но не добились успеха. По слухам, существует приказ о ликвидации лагеря к 20 декабря по причине антисанитарных условий в нем. Однако вода, газ и электричество подаются бесперебойно, территория чистая. Едва ли в Чечне в ближайшее время возможно будет создать лучшие санитарные условия.

В лагере «Белла» проживает 3200 беженцев. По словам коменданта, Людмилы Латыровой, сверху спущена цифра 2940. Чтобы не снимать с довольствия семьи беженцев целиком, комендант, по согласованию с жителями лагеря, уменьшил число членов больших семей на одного-двух. Комитет по беженцам правительства ЧР требует от миграционных органов Ингушетии произвести ликвидацию лагеря к тому же 20 декабря. Старики, проживающие в «Белле», 28 ноября ездили в Чечню для изучения обстановки. Вернулись с убеждением, что везти туда народ невозможно, в первую очередь из-за постоянных ночных убийств и исчезновений людей. Беженцы этого лагеря решили держаться дружно и не соглашаться на уничтожение лагеря, несмотря на то, что уже 9 месяцев они не получают продуктов.

Такая же картина в лагере «Сацита», наиболее благоустроенном и ухоженном. Этот лагерь опекает благотворительная организация «Саудовский Красный Крест», обеспечивающая беженцев прочными палатками, продуктами. В лагере

чисто, есть вода, газ и электричество. Беженцам даже удалось на свободной земле разбить небольшие огороды. В октябре комендант лагеря, Хасан Тумагоев, подал списки на 4330 беженцев, но, по его сведениям, в Москву сообщили цифру 3770. Как и в остальных лагерях, его предупредили о ликвидации лагеря к 20 декабря.

Еще до начала активного выселения из лагерей органы миграции резко уменьшили официальное число беженцев в Ингушетии, опустив его со 145 тысяч до 60 тысяч человек. Видимо, эта цифра также была «спущена сверху».

Ингушетия оставалась до сих пор единственным местом в России, где жители Чечни могли чувствовать себя в относительной безопасности, несмотря на тяжелые условия жизни. Теперь они лишаются и этого последнего прибежища.

III. 2. О ситуации с возвращением внутриперемещенных лиц из палаточных лагерей Республики Ингушетия

на территорию Чеченской Республики

Доклад Комиссии по правам человека при Президенте РФ

В соответствии с поручением Президента Российской Федерации, данным на встрече с Комиссией по правам человека при Президенте Российской Федерации 10 декабря 2002 года, рабочая группа, сформированная из числа членов Комиссии (Алексеева Л.М., Ганнушкина С.А. Памфилова Э.А.), дважды (26-29 декабря 2002 г. и 7-8 февраля 2003 г.) выезжала в Чеченскую Республику и Республику Ингушетия с целью ознакомления с ситуацией в местах временного размещения внутриперемещенных лиц (ВПЛ) из Чеченской Республики.

Непосредственное участие в работе группы приняли Министр Российской Федерации С.В. Ильясов, Первый заместитель начальника ФМС России И.Б. Юнаш, ответственный секретарь Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, начальник отдела Управления Главного управления внутренней политики Президента Российской Федерации М.А. Лесков.

Рабочая группа посетила пункты временного размещения (ПВР) в г. Грозный Чеченской Республики (ул. Выборгская, 4, ул. Поняткова, 111, ул. Маяковского, 119 и 111, ул. Новаторов, 17; ул. Чайковского, 24, 26, 28), а также места временного размещения внутриперемещенных лиц в Республике Ингушетия (пос. Аки-Юрт, завод «Дар», лагеря «Барт», «Спутник», «Сацита» и «Белла»). К моменту первого посещения в декабре 2002 г. был ликвидирован палаточный лагерь «Иман» в поселке Аки-Юрт Малгобекского района Республики Ингушетия. Ликвидация лагеря производилась в соответствии с предписанием УГПС МЧС Республики Ингушетия и постановлением госсанэпиднадзора Республики Ингушетия от 18 ноября 2002 г. «О прекращении эксплуатации пунктов временного размещения палаточного типа на территории Республики Ингушетия».

При этом не все ВПЛ из лагеря «Иман» возвратились на территорию Чеченской Республики, По данным ФМС России, из размещавшихся там 359 семей для дальнейшего проживания в частный сектор на территории Чеченской Республики выехали 316 семей, 43 семьи переведены в места компактного проживания в Республике Ингушетия.

Однако, в действительности многие постарались задержаться в частном секторе и не приспособленных для жилья помещениях. Продолжается жизнь в саманных домиках, начата сборка щитовых домиков, предоставляемых УВКБ ООН, Несколько семей, выехавших в Чечню, возвратились в Аки-Юрт. Руководство миграционных органов и комендант ПВР обещали восстановить их в списках проживающих.

Жители лагерей «Барт», «Спутник», «Сацита» и «Белла» во время обоих посещений рабочей группой высказывали желание возвратиться в Чеченскую республику только после обеспечения там безопасности. Это требование соответствует «Руководящим принципам по вопросу о перемещении лиц внутри страны», принятым резолюцией ООН в 1997 г. Принцип 28 этого основного международного документа, определяющего нормы обращения с ВПЛ, гласит: «Компетентные органы власти несут главную обязанность и ответственность за создание условий, а также за предоставление средств, которые позволяют перемещенным внутри страны лицам добровольно, в безопасных условиях и с достоинством вернуться в свои дома или места постоянного проживания, либо добровольно переселиться в какую-либо другую часть страны». Только в этом контексте можно рассматривать восемь тысяч заявлений с просьбой оказать содействие в переводе из палаточных лагерей Ингушетии в ПВР Чечни, поданных по данным ФМС МВД России в Комитет по делам беженцев и вынужденных переселенцев Правительства Чеченской Республики.

В настоящее время, по данным правительства Ингушетии, на территории Ингушетии проживает около 66000 ВПЛ, из них в палаточных городках — около 17000 ВПЛ (1907 палаток). Остальные размещены в арендуемых помещениях и частном секторе. Всего за период с сентября 1999 г. в Республике Ингушетия зарегистрировано 308912 человек, вынужденно покинувших Чеченскую Республику. Из этого числа более 240 тысяч человек к настоящему времени убыли с территории Ингушетии в Чечню и другие регионы России.

Следует отметить, что до осени 2002 г. правозащитными организациями в палаточных лагерях фиксировались факты психологического давления на ВПЛ и побуждения их к возвращению в ЧР. В своих обращениях жители ПВР описывали систему неправомерного исключения из списка проживающих в соответствии с некими «спускаемыми» сверху цифрами, угроз и шантажа со стороны неизвестных лиц в штатском или в камуфляже, распространения среди проживающих уведомлений о сроках ликвидации лагеря, прекращения выдачи продуктов и отключения газа и электричества. В лагерях работали представители Объединенного штаба по координации органов исполнительной власти и обеспечению контроля выполнения мероприятий по возвращению

внутриперемещенных лиц из ПВР РИ в ЧР. Они настойчиво предлагали жителям лагерей написать заявление о возвращении. Особенную роль в этом играл Комитет по делам беженцев и вынужденных переселенцев Правительства ЧР — структура, решающая задачу возвращения ВПЛ.

При этом необходимо иметь в виду, что Федеральная миграционная служба России подобными фактами и заявлениями не располагает.

В процессе работы члены рабочей группы осматривали помещения, в которых живут внутриперемещенные лица, разговаривали с людьми, проживающими в этих помещениях и в частном секторе, встречались с представителями общественных организаций. В большинстве собранных правозащитными организациями заявлений ВПЛ обращаются в Комиссию по правам человека с просьбой не допустить их принудительного возвращения в Чеченскую Республику до тех пор, пока там не будут обеспечены безопасные условия существования, как это предусматривалось пунктом 20 «Плана мероприятий по завершению работы по возвращению в Чеченскую Республику внутриперемещенных лиц с территории Республики Ингушетия» от 29 мая 2002 г.

В нескольких коллективных обращениях ВПЛ жалуются на то, что они были вычеркнуты из списков проживающих в лагере и сняты с обеспечения продуктами.

Следует отметить, что, по словам внутриперемещенных лиц, после первого посещения рабочей группы Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации давление на них с целью принуждения к возвращению существенно уменьшилось. Правозащитные организации также отмечают, что в последнее время заявлений с подобными жалобами к ним не было.

Представители Объединенного штаба уже не присутствуют в лагерях постоянно. Многие семьи были восстановлены в списках. По данным ПЦ «Мемориал» их число составляет 300, а по данным ФМС России — около 50 человек.

В качестве положительного примера комплексного решения проблемы жилья и трудоустройства можно привести опыт переселения жителей лагеря «Барт» на территорию предприятия «Жилпромбаза», где в непосредственной близости от лагеря ВПЛ сами собирают блоки для своего проживания, что одновременно обеспечивает их работой и более приспособленным для жизни жильем.

Продолжаются обращения жителей Чечни и ВПЛ Ингушетии по поводу исчезновения родственников, задержанных в Чечне при проведении спецопераций. В первую очередь это касается молодых мужчин и юношей, в частности, тех, кто возвратился из Ингушетии в Чечню после окончания школы для продолжения образования. Жители лагерей приводили факты недавних случаев противоправных задержаний и даже убийств возвратившихся в ЧР мужчин. Расследование подобных случаев часто затрудняется тем, что в местах компактного проживания ВПЛ на территории Ингушетии оперативно-розыскные мероприятия проводятся правоохранительными органами и

спецслужбами разной ведомственной и территориальной принадлежности без согласования с правоохранительными органами Республики Ингушетия.

Многочисленные жалобы поступают на действия военнослужащих, несущих службу на блокпостах. Мзда за проезд составляет от 10 до 50 рублей, независимо от наличия документов, и варьируется, исходя из марки автомобиля и стоимости перевозимого груза. При этом практика показывает, что свою основную функцию — обеспечение безопасности — блокпосты не выполняют. Подобные действия военнослужащих в наибольшей степени дискредитируют федеральную власть в глазах населения ЧР.

Дополнительным фактором усиления психологической напряженности стало размещение воинских подразделений в непосредственной близости от мест проживания.

В числе важнейших проблем ВПЛ называли отказ органов МВД России в выдаче и обмене паспортов жителям Чечни, проживающим за пределами Республики, в том числе в Ингушетии.

Другой проблемой для всех ВПЛ является отсутствие адресной компенсации жителям ЧР за утраченное жилье и имущество. Правительству РФ было поручено разработать соответствующее постановление Указом Президента РФ от 5 сентября 1995 г. № 898. Однако это поручение до сих пор не выполнено. Выплата компенсации помогла бы внутриперемещенным лицам устроиться самостоятельно там, где они смогли бы приобрести жилье и найти работу.

Серьезное беспокойство вызывает перемещение ВПЛ из относительно безопасных районов Чеченской Республики в зоны повышенного риска. Так, летом 2002 г. были ликвидированы палаточные лагеря «Северный» и «Южный» в станице «Знаменская» спокойного Надтеречного района ЧР, жители которых были размещены в ПВР по ул. Маяковского, 119, г. Грозного. Ранее этот ПВР предполагалось отдать переселенцам из Ингушетии.

Результаты обследования ПВР в столице ЧР показали, что их вместимость составляет около 4500 мест из расчета 3,2 кв.м на человека. Этого недостаточно для расселения внутриперемещенных лиц, проживающих в палаточных городках РИ, общее количество которых на сегодняшний день порядка 17000 человек. Кроме того, около 140 семей из лагерей «Северный» и «Южный» с осени 2002 г. все еще ожидают предоставления им мест в ПВР.

Анализируя ситуацию в целом, можно констатировать, что жители палаточных лагерей испытывают постоянное психологическое давление со всех сторон, участвующих в их судьбе. ВПЛ оказались заложниками в сложной системе взаимоотношений различных сил и групп влияния, борющихся за политическую и экономическую власть в регионе.

По отношению к внутриперемещенным лицам в той или иной степени нарушаются конституционные права на выбор места пребывания и жительства, на жилище и его неприкосновенность, на компенсацию причиненного ущерба

потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью и другие права, включая право на жизнь.

Следует признать, что многолетнее пребывание ВПЛ в местах временного размещения приводит к деградации личности, разложению общества и росту девиантного поведения, что противоречит ст. 21 Конституции РФ, закрепляющей обязанность государства по охране достоинства личности.

Таким образом, обеспечение достойного существования внутриперемещенных лиц является неотложной и важнейшей государственной проблемой, решение которой требует системного подхода, предусматривающего комплекс мер организационного и информационного характера.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Целесообразно развивать имеющийся положительный опыт взаимодействия Комиссии по правам человека с представителями Федеральных органов исполнительной власти и обеспечить полноценный гражданский контроль за проводимыми мероприятиями, тщательную проверку и рассмотрение всех обращений, поступающих от размещенных в ПВР внутриперемещенных лиц,
2. Возвращение граждан на территорию Чеченской Республики необходимо осуществлять исключительно на добровольной основе, поэтапно и при условии обеспечения мер безопасности и создания достойных условий жизни. В первую очередь следовало бы принять меры по своевременному выполнению обязательств по расселению ВПЛ из лагерей «Северный» и «Южный» в ПВР, в частности в городке по ул. Маяковского, 111.
3. Мероприятия по возвращению ВПЛ целесообразно обеспечивать соответствующей разъяснительной работой среди жителей ПВР, раскрывающей содержание целей, методов и сроков проводимой миграционной политики.
4. Федеральным органам исполнительной власти во всех субъектах Российской Федерации следует принять меры по реализации прав ВПЛ на свободу передвижения, выбор места жительства и пребывания.
5. В местах компактного проживания необходимо с учетом этнической и религиозной специфики способствовать развитию структур общественного самоуправления. Финансирование проживания ВПЛ должно быть «прозрачным».
6. Следует дополнительно, с участием международных организаций, рассмотреть вопрос об оборудовании мест компактного проживания для тех, кто возвращается в ЧР из РИ, не только в г. Грозном, но и на территории относительно спокойных равнинных районов Чечни.
7. Считаю необходимым разработать и осуществить комплексные программы по созданию рабочих мест и воссозданию системы образования, что является

важнейшим условием стабилизации социально-политической обстановки не только в местах размещения внутриперемещенных лиц, но и в целом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации.

8. Представляется целесообразным ускорить подготовку Правительством РФ нормативного документа об оказании адресной государственной помощи гражданам, проживающим на территории ЧР или покинувшим ее безвозвратно и утратившим полностью или частично имущество в период с 1995-го по 2003-й гг.

9. Обеспечение общественного порядка в местах размещения внутриперемещенных лиц следует возложить на соответствующие подразделения Министерства внутренних дел. Исполнение этих функций подразделениями Минобороны РФ и дислокация воинских подразделений вблизи мест размещения внутриперемещенных лиц на территории Ингушетии представляют собой дополнительный травмирующий фактор и создают предпосылки для провокационных действий.

10. Предложить паспортно-визовой службе МВД России организовать регистрацию, выдачу и замену паспортов гражданам РФ, временно находящимся в местах компактного проживания на территории Чечни, Ингушетии, а также в других субъектах Российской Федерации.

11. Обратить внимание Генеральной прокуратуры Российской Федерации на необходимость усиления контроля за соблюдением прав человека при проведении оперативно-розыскных мероприятий в местах компактного проживания внутриперемещенных лиц на территории Ингушетии, контроль за их проведением возложить на правоохранительные органы этой республики.

12. Полагаем необходимым рассмотреть вопрос о радикальном сокращении блокпостов на территории Чеченской Республики и усилении дисциплинарной практики во всех дислоцированных в Чечне воинских подразделениях.

Документ подписали

Алексеева Л.М., Ганнушкина С.А., Памфилова Э.А.

Ильясов С.В., Юнаш И.Б.

III. 3. Положение ВПЛ в Ингушетии весной 2003 г.

Весна 2003 г. не принесла вынужденным переселенцам особых перемен. После доклада Комиссии по правам человека ослабло внимание со стороны официальных структур к жителям палаточных лагерей и, тем более, к тем, кто проживает в местах компактного расселения и в частном секторе.

Основным событием весны было ожидание предстоящего референдума. Люди находились в полной растерянности, т.к. на них обрушивалась самая противоречивая информация. Те, кто активно агитировал за участие в референдуме, объясняли это тем, что референдум положит начало стабилизации

в Чечне. При этом ходили слухи, будто того, кто не пойдет голосовать, занесут в черный список; от участия в референдуме будут зависеть компенсации на восстановление разрушенного жилья и прочие социальные выплаты, а также распределение мест в ПВР после ликвидации лагерей на территории Ингушетии.

Слухи распространялись людьми, по их утверждению, не имеющими отношения к официальным властям Чечни. Они ссылались на информацию, которую «получают из очень серьезных источников», а также на желание помочь своим согражданам. Как правило, одновременно с ними в лагерях появлялся автобус Комитета по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев Чечни, того самого, который вел наиболее активную работу в лагерях осенью 2002 г. по принуждению жителей лагерей к возвращению. Это привело к тому, что число желающих вернуться в Чечню увеличилось.

Некоторое давление на ВПЛ все же оказывалось. В лагерь приезжали представители федеральных и местных миграционных органов, следили за тем, чтобы никто не проводил агитацию против участия в референдуме. Но люди и сами предпочитали не обсуждать с кем бы то ни было предстоящий референдум или будущее Чечни. В лагере «Белла», где были распространены листовки, с призывом бойкотировать референдум и объявлением всех, кто примет участие в нем, предателями Чеченского народа, жители старались избавиться от них как можно быстрее. Люди перестали чувствовать себя в безопасности после того, как в ингушских лагерях стали задерживать людей и увозить в Чечню. Особенно после случая с братьями Шокаровыми Висади и Виситой из лагеря «Сацита», которых вывезли в Чечню. После чего Висади исчез, а впоследствии труп, сильно изуродованный и обгоревший, был выдан родственникам в морге города Моздок. (Историю гибели Висади см. в Приложении 7.)

16-го марта в лагере «Спутник» Чеченская правозащитная организация «Синтер» пыталась провести митинг, приуроченный к предстоящему референдуму. Через полчаса после того, как люди собрались на площадке у администрации, в лагерь на двух микроавтобусах и трех легковых автомобилях приехали военные и милиция. Все были вооружены и хорошо экипированы. Несколько человек вышли из машин и предложили собравшимся разойтись «по хорошему», иначе они «задержат активистов». Люди разошлись. Силовики еще некоторое время пробыли в лагере. В тот же день на посту у въезда в лагерь всех стали проверять по каким-то спискам и интересоваться, знают ли проверяемые кого-либо из организации «Синтер».

На следующий день в лагере стало известно, что руководитель «Синтера» Сулумбек Таштамиров и активист этой организации Ширвани Гунаев задержаны и переправлены в Чечню. Их отпустили только после многократных обращений НПО к властям всех уровней. Несколько дней после несостоявшегося митинга у лагеря дежурили люди в камуфляжной форме. Затем в лагере стали появляться сотрудники МВД и интересоваться

участниками митинга, а также теми, кто оказался среди них случайно. Все это вызывало сильное беспокойство жителей лагеря.

Еще большее волнение вызвало похищение известного чеченского правозащитника Имрана Эжиева, регионального представителя Московской Хельсинской группы, руководителя регионального отделения Общества Российско-Чеченской дружбы. 15-го марта автомобиль, в котором ехал Эжиев, был остановлен. Похитители вытащили Имрана из его машины и посадили в свою, надев ему на глаза повязку, руки сковали наручниками. В таком состоянии похищенного провозили через блокпосты. Это он понял по голосам во время остановок и разговоров похитителей и постовых.

Имран Эжиев жил в компактном поселении в Яндаре (Ингушетия) и активно занимался мониторингом исчезновений людей и других нарушений прав человека в Чечне и Ингушетии, а также исследованием отношения чеченского населения к референдуму. Его похищение, безусловно, было целенаправленным. Позже Имран Эжиев рассказал, что сразу после похищения он был избит. Его поместили в подвал какого-то дома (в каком населенном пункте он не знает). Там повязку, закрывавшую его глаза, сняли. Ни разу похищенного не кормили. Его допрашивали в этом же подвале — для этого люди в масках спускались к нему. Допрашивающих интересовала деятельность Общества Российско-Чеченской дружбы, особенно то, как и зачем члены этой организации собирают и распространяют информацию о людях, которые исчезли после их задержания представителями федеральных сил. Допрашивающие вели себя с Эжиевым грубо, угрожали ему.

Кампания в защиту Имрана Эжиева развернулась не только в РФ, но и за ее рубежами. И со второй половины дня 17-го марта поведение похитителей резко изменилось — грубость и угрозы прекратились. Рано утром 18-го марта Эжиеву снова завязали глаза, вывели из подвала, посадили в автомобиль и куда-то повезли. Его высадили из автомобиля в поле, приказав не снимать повязку с глаз. Когда автомобиль уехал, Имран снял повязку и добрался до ближайшего села — Беркат-Юрт Грозненского сельского района, расположенного в 25 километрах от села Сержень-Юрт, в окрестностях которого он был похищен.

Из положительных перемен можно отметить, что 10-12-го марта военные, а затем и сотрудники МВД РФ, в течение года располагавшиеся в непосредственной близости от лагеря «Белла» у бани покинули место своей дислокации, как того давно требовали ВПЛ.

Референдум не принес никаких перемен. Он, как и следовало ожидать, завершился единодушным положительным ответом на все поставленные вопросы. Оценка его легитимности и последствий не входит в задачи данного доклада (см. сайт Общества «Мемориал» www.memo.ru).

Объявленный состоявшимся референдум и обещанная после его проведения стабилизация общественно-политической ситуации в республике побудили многих беженцев в Ингушетии написать заявления на возвращение в Чечню.

Однако после террористических актов в селах Знаменское и Илисхан-Юрте настроение ВПЛ резко изменилось. Люди, надеявшиеся на то, что после референдума жизнь в Чечне начнет понемногу налаживаться, теперь не находят этому подтверждения. Все говорят о продолжающейся практике ночных похищений людей, в том числе и те, кто ранее проживал на территории Ингушетии и незадолго перед этим рискнул вернуться к местам прежнего проживания. Известны факты, когда вернувшихся в Чечню ВПЛ причисляли к участникам чеченских вооруженных формирований и задерживали. Известны также случаи гибели возвратившихся.

Эти факты не могли не подействовать на тех, кто ранее подал заявления на переселение в Чечню: среди них теперь многие хотят взять их обратно. Однако сделать это оказывается нелегко. В Чеченском Комитете в возвращении заявлений не отказывают, но и не спешат сделать это, предлагая зайти на следующий день.

Надо отметить и следующее: после очередного задержания и исчезновения людей в населенных пунктах Чечни, многие из недавно возвратившихся туда людей снова едут в Ингушетию. Их рассказы о творящихся на родине преступлениях, в свою очередь, удерживают от возвращения все еще остающихся в Ингушетии людей.

Представители Чеченского Комитета по переселению беженцев в лагерях беженцев в последнее время появляются редко и не ведут там агитационную работу.

Отдельные проблемы возникают у людей, ранее исключенных из списков Миграционной Службы РИ как уже переехавших в Чеченскую республику. Число таких людей, как в лагерях, так и в местах компактного проживания, составляет чуть более 1/3 общего количества беженцев, проживающих в них. В МС РИ объясняют, что к ним из МС ЧР поступили списки людей, якобы переехавших в Чечню и вставших на учет в миграционной службе этой республики. Эта категория беженцев теперь не может получить транспорт от МЧС на свой переезд. Аргументация при этом состоит в том, что они якобы состоят на учете как уже вернувшиеся в места постоянного проживания.

Жители Чечни, проживающие в частных ингушских домах, возвращаются к себе домой своими силами, избегая тем самым исключения из списков Датского Совета и МС РИ. Таким образом, они оставляют себе шанс вернуться в Ингушетию в том случае, если проживание в Чечне станет невозможным.

На середину мая не определена точная дата открытия четырех ПВР в Грозном, расположенных на улице Чайковского: №№ 24а, 24б, 26 и 28, рассчитанных на 2750 человек.

В настоящее время все внимание приковано к четырем лагерям в Слепцовске: «Алина», «Белла», «Сацита» и «Спутник».

Появились сведения, что лагерь «Белла» собираются закрыть к 1-му июня. Представители Чеченского Комитета еще в первой половине мая собирались

перевести большое количество людей из этого лагеря в ПВР в Грозном. Однако дату переезда перенесли на 25 мая из-за неготовности в Грозном мест для приема. Официально же было объявлено, что отсрочка переселения связана с решением властей, позволить школьникам закончить учебный год.

В администрации лагеря «Белла» говорят, что около 75% людей подали заявления на возвращение в Чечню. **Вполне вероятно, что это соответствует действительности, поскольку люди устали жить в палатках, не в состоянии перенести еще один год борьбы за безопасность и, безусловно, стремятся домой. Их готовность вернуться зависит от ситуации с безопасностью на данный момент: она возрастает при отсутствии новостей о кровавых событиях и уменьшается, когда такие вести приходят. Кроме того, люди смиряются со своей судьбой, устают от борьбы и невзгод и покорно принимают возвращение как неизбежность. Обещание компенсации по-прежнему служит приманкой для многих. Оно весьма эфемерно, поскольку не существует до сих пор документа, который определял бы размеры компенсации и сроки выплат. Но люди надеются, и это дает им силы жить.**

В лагере ждут своей очереди на возвращение в Чечню 451 человек. Миграционная служба обещала, что их разместят в ПВР, в Грозном, по улице Чайковского, 24. В здание по ул. Чайковского, 28, собираются вернуться еще 176 человек.

В лагере «Алина» ходили слухи о его расформировании еще в апреле. В начале марта некий военный, как обычно не представившийся, предупреждал об этом население лагеря. Он разговаривал с людьми грубо, особенно если ему задавали вопрос, куда идти после ликвидации. Преподавателям лагерной школы объявили, чтобы искали другое место в Ингушетии, куда можно будет перевести школу после ликвидации лагеря и где могли бы продолжить учебу те ученики, кто останется в Ингушетии, но уже по другому месту жительства.

Меньше всего людей готовы возвратиться в Чечню из лагеря «Сацита», который по сравнению с остальными считается самым обеспеченным благодаря организации, которая курирует лагерь. По словам администрации лагеря, из него в среднем уезжают по 5-6 семей в месяц.

Население лагеря МТФ «Карабулак» обеспокоено слухами, что их лагерь не находится на балансе МЧС, что может означать выселение всех в одночасье. Тем не менее, в лагере продолжают работать организации, занимающиеся его обустройством. Организация Франции «Врачи без границ» наладила водопровод и туалеты, и оборудовала бани. Одна из гуманитарных организаций установила 14 сборных домиков для семей, жилье которых непригодно для проживания, и подвела к ним свет и газ. В лагере, основное население которого — из южных районов Чечни, в частности из Веденского района, нет желающих возвратиться домой. За последние четыре месяца лагерь покинуло только три семьи.

В лагере «Иман», официально не существующем, в Аки-Юрте и в других точках вокруг него проживают около 950 человек. Из официальных структур

никто в лагере не появляется. Гуманитарную помощь по линии МЧС люди не получают, нет газа и электричества, что вынуждает производить самовольное подключение, несмотря на угрозы штрафов.

В настоящее время официально объявлено, что все палаточные лагеря закроют до конца лета 2003 г. Тем же, кто не захочет возвратиться в Чечню, предлагается самим найти другие места для переезда, где их обещают зарегистрировать без каких-либо проблем. Одной из главных причин закрытия лагерей, по заявлениям руководителей разного уровня, особенно МЧС Чечни, является скученность людей и антисанитария, что не вполне соответствует действительности.

На фоне проблем жителей лагерей ослабло внимание к другим местам компактного поселения (не палаточным), таким, как: МТФ, Карьер, Завод Железобетонных изделий, и др. Даже гуманитарные организации, по мнению беженцев, заняли выжидательную позицию. Многие из написавших заявления о возвращении из лагерей уверены, что после их ликвидации власти примутся за компактные поселения. Поэтому говорят, что лучше один раз переехать, чем быть вынужденным делать это дважды.

Категорически не хотят возвращаться семьи, в которых много детей, особенно мальчиков, поскольку у них есть все основания бояться за своих детей в Чечне, они предпочитают искать возможность остаться в Ингушетии.

У беженцев, проживающих на территории свинофермы в Слепцовске (около 300 человек, преимущественно из селения Самашки ЧР), свои проблемы. Новый хозяин фермы требует освободить ее до конца мая, иначе грозит отключить свет и перекопать все подходы к лагерю. Он уже неоднократно предпринимал подобного рода действия, однако жители самовольно подключались к линии электропередачи, тем более что газа там нет и еду готовят на электроплитках. Они обращались в МЧС РИ, но там им предложили самостоятельно найти себе жилье. Никаких конкретных предложений люди не получили. Жителям свинофермы особенно трудно подобрать себе другое место, так как они, извлекая из своего тяжелого положения и некоторую пользу, завели скот. Это стало средством их существования, а далеко не любые хозяева разрешат держать скотину. Из семей, проживающих на ферме, только одна семья решила возвратиться в Чечню. Остальные надеются уговорить хозяина фермы оставить их до первого сентября.

Немаловажной проблемой для населения лагерей является **гуманитарная помощь**, которую с начала 2003 г. значительно сократили. Хлеб в лагерях не раздают уже больше года, не считая лагеря «Сацита», где организация «Саудовский Красный Полумесяц» через день раздает по половине булки на человека. «Саудовский Красный Полумесяц» — одна из наиболее помогающих организаций, которая раздает помощь в лагерях «Сацита», «Алина», «Белла», «Спутник». В разных лагерях периодичность раздачи и количества продуктов различна. В основном наборы продуктов состоят из круп, муки, подсолнечного масла, иногда сахара, сухого молока и спичек, все в небольших количествах

один раз в месяц на человека. В прошлом году всех видов продуктов было вдвое больше. «Датский совет» по линии УВКБ ООН ежемесячно в лагере «Сацита» раздает муку, сахар, подсолнечное масло, соль, в лагере МТФ «Карабулак» – только муку. В лагере «Алина» гуманитарную помощь раздавал еще и «Исламик Релиф», но неофициально было объявлено, что это сделано в последний раз. Представители Международного Красного Креста раз в три месяца в отдельных лагерях распределяют продовольственную и гигиеническую посылки. В продовольственную посылку входит тушенка, топленое масло, сахар, чай. Гигиеническая включает шампунь, хозяйственное и туалетное мыло, зубную щетку, пасту, стиральный порошок. В некоторых местах возобновилась раздача продуктов питания по линии МЧС, как правило, какой-нибудь один вид продуктов. Отдельным семьям выдавали постельные принадлежности. В декабре 2002 г., по линии МЧС люди получали значительно больше продуктов, но потом пошли слухи, что МЧС возобновит свою работу и будет распределять помощь по спискам, составленным по итогам голосования на референдуме.

Организация из Германии «Help» в середине марта раздавала в лагере МТФ «Карабулак» одеяла, простыни, и матрасы, по одному на 2 человека. Раздавали по спискам «Датского Совета», из которых с начала года исключены многие жители лагеря.

Медицинское обслуживание остается на том же уровне. Люди жалуются, что в медпунктах при лагерях часто не могут получить даже первичную помощь. Организации «Врачи без Границ» Франции, Бельгии и Голландии, World Vision, IRS (Агентство Реабилитации и Развития), IMS (Международный Медицинский Корпус) создали выездные бригады, которые распределили между собой лагерь и по графику ведут прием больных в лагерях и местах компактного проживания беженцев. Население очень довольно их работой .

Школы работают нормально, насколько это возможно в лагерных условиях. В МТФ «Карабулак» школа рассчитана только до 4-го класса. Школьники с 5-го по последний класс вынуждены ходить в школу лагеря «Барт» или в специальную школу для детей беженцев, оборудованную на территории Карабулакской городской школы. Расстояние до этих школ 4-5 км.

Выступая 25 марта 2003 г. в Женеве на 59-й Сессии Комиссии ООН по Правам Человека, на брифинге, посвященном проблемам Чечни, неправительственные организации потребовали соблюдения Правительством РФ «Руководящих принципов по вопросам ВПЛ» по отношению к жителям Чечни. НПО считают, что мировое сообщество должно принять активное участие в решении чеченской проблемы.

— Необходимо пригласить в РФ автора «Руководящих принципов», представителя Генерального Секретаря ООН по проблемам ВПЛ г-на Френсиса Дэнга.

— Следует исключить любые формы принуждения ВПЛ к возвращению в Чечню.

— Власти обязаны способствовать интеграции ВПЛ в общество.

— Необходимо принять меры по обеспечению ВПЛ паспортами там, куда они выехали.

— За утраченное жилье и имущество должна быть выплачена компенсация за счет бюджетных средств.

— Социальное обеспечение ВПЛ: пенсии, медицинское обслуживание, помощь в трудоустройстве для ВПЛ должны осуществляться на уровне, который обеспечен для местного населения.

Однако главное, что необходимо российской власти, чтобы прекратить произвол в Чечне и восстановить права ее жителей, это политическая воля, без которой не только в Чечне, но и в России в целом общество заражается расовой ненавистью и ксенофобией, становится жестоким, безжалостным и безответственным по отношению к своим членам.

IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

25 февраля 2003 г.

мировой судья участка № 5 Советского района г. Казани Сайдашева Э. Р.,

рассмотрев административное дело по обвинению Султаева Магомеда Имрановича, 31.05.1974 г. рождения, уроженца с. Мескер-Юрт Шалинского района ЧИАССР, женатого, неработающего, проживающего по адресу, Казань, ул. Вагапова, 15-102, регистрация Чеченская республика, Шалинский район, с. Мескер-Юрт, ул. Терешковой, 58, ранее к административной ответственности не привлекавшегося,

в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст.20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях,

УСТАНОВИЛ:

Султаев М.И. 23.02.2003 г. в 22.20 час. у д.131 по ул. Фучика г. Казани выражался нецензурной бранью в присутствии прохожих, демонстративно нарушая общественный порядок, на замечания не реагировал.

Вина Султаева М.И. подтверждается протоколом об административном правонарушении от 23 февраля 2003 г. рапортом работника милиции от 23.02.2003 г.

Действия Султаева М.И. квалифицируются по ст. 20.1 Кодекса об административных правонарушениях как мелкое хулиганство, то есть нецензурная брань в общественных местах и другие действия, демонстративно нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан.

При назначении наказания суд учитывает личность правонарушителя, ранее не привлекавшегося к административной ответственности, однако с учетом общественной опасности и особой дерзости совершенного деяния назначает наказание в виде административного ареста.

Руководствуясь ст. 29.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях, мировой судья

ПОСТАНОВИЛ:

Признать Султаева Магомед Имановича виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях, и назначить наказание в виде административного ареста на срок 5 (пять) суток, срок исчислять с момента задержания 23 февраля 2003 г. 22.50 час.

Постановление может быть обжаловано в Советский районный суд г. Казани в течение 10 суток со дня вручения или получения копии постановления.

Мировой судья: подпись

Копия верна Э.Р.Сайдашева

Приложение 2. Заявление в Прокуратуру г. Москвы А.Э. Шидаевой

Заявление в Прокуратуру г. Москвы А.Э. Шидаевой

В Прокуратуру г. Москвы
от Шидаевой Аэлиты Эльбиевны,
проживающей по адресу:
ул. Профсоюзная, 140, корп. 2, кв. 55

З А Я В Л Е Н И Е

Я, Шидаева Аэлита Эльбиевна, 1970 г.р., по национальности чеченка, зарегистрирована по месту жительства в г. Урус-Мартане Чеченской

Республики. В связи с началом контртеррористической операции выехала с семьей в Москву. Проживаю у подруги матери, актрисы Московской государственной филармонии Тамары Селезневой, зарегистрирована у нее сроком на 3 года. Работаю в кафе в торговом центре у станции метро «Марьино».

30 октября 2002 г. в 16 часов дня в торговый центр ворвалась группа из 15 сотрудников ОВД «Марьинский парк» (в их числе был участковый инспектор В.А.Васильев), всех, включая посетителей, поставили лицом к стенке с поднятыми руками, задержали меня, искали другую сотрудницу центра, тоже по национальности чеченку, но она в этот день не работала.

Меня доставили в ОВД «Марьинский парк», где меня допрашивали по очереди 7 или 8 человек во главе с начальником оперчасти Куликовым, требовали признаться, что я знаю членов террористической группы, захватившей Театральный центр на ул. Дубровка, что они бывали у меня в кафе. (Наше кафе находится рядом с ОВД, многие сотрудники милиции приходят к нам и знают меня). Меня запугивали, говорили, что если я не сознаюсь в связях с террористами, то мне подкинут наркотики и оружие. Мне не в чем было признаваться, поэтому на меня продолжали оказывать давление, и это продолжалось в течение 7 часов.

Как я узнала впоследствии, моя мать с 17 часов начала звонить в ОВД «Марьинский парк», ей говорили, что меня нет в отделении. Поскольку сотрудники торгового центра точно знали, что меня увезли в ОВД «Марьинский парк», мать обратилась к известному адвокату А.М.Хамзаеву, актрисе Т.Селезневой, позвонила на радио «Эхо Москвы», А.Аслаханову и другим известным людям, все они звонили в отделение, и всем говорилось, что меня там нет. Потом я узнала, что только благодаря усилиям этих людей я была освобождена.

Только в 23 часа меня отпустили, я еле дошла до торгового центра и, войдя в зал, упала в обморок. Мне вызвали «скорую помощь», врачи привели меня в чувство.

Мне известно, что директор торгового центра объяснил сотрудникам милиции, что хорошо знает меня, что я не имею никакого отношения к террористам. Тогда милиционеры настоятельно посоветовали ему не вмешиваться. Ему также сказали, что если я и другая девушка-чеченка будут у него работать, они закроют торговый центр. «Чеченцы нам здесь не нужны», — сказали они.

Действиями сотрудников ОВД «Марьинский парк» мне был нанесен серьезный моральный ущерб: меня необоснованно задержали, оказывали психологическое давление, запугивали, заставляли признаться в том, чего я не совершала, не дали мне связаться с матерью и с адвокатом, скрывали от матери факт моего задержания.

Прошу провести проверку изложенных мною фактов и принять меры прокурорского реагирования.

4 ноября 2002 г. (А.Шидаева)

Приложение 3. ПОСТАНОВЛЕНИЕ Об отказе в возбуждении уголовного дела

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Об отказе в возбуждении уголовного дела
г. Москва 04.12.02

1-й заместитель Люблинского межрайонного прокурора г. Москвы советник юстиции Пронина Т.А., рассмотрев материалы проверки сообщения о преступлении, совершенном сотрудниками милиции ОВД «Марьинский парк» УВД ЮВАО,

УСТАНОВИЛ:

Люблинской межрайонной прокуратурой г. Москвы, в связи с обращением депутата Государственной Думы ФС РФ Игрунова В.В. рассмотрено заявление Шидаевой А.Э. о незаконном задержании ее сотрудниками ОВД «Марьинский парк».

В своем заявлении Шидаева А.Э. указала, что она по национальности чеченка, зарегистрирована по месту жительства в г. Урус-Мартане, Чеченской Республики. В г. Москве она зарегистрирована временно с 06.03.01 по 06.03.03 гг.

30.10.02 г. в 16.00 час. в кафе, расположенном по адресу: г. Москва, Луговой проезд, д.2, в котором она работала в должности барменши, ворвалась группа из 15 сотрудников ОВД «Марьинский Парк» (в их числе был участковый инспектор В. А. Васильев), и всех, включая посетителей, поставили лицом к стенке с поднятыми руками. После этого, как следует из заявления, ее доставили в ОВД «Марьинский парк», где ее подвергли допросу 7 или 8 человек во главе с начальником оперчасти Куликовым. Во время допроса ее запугивали тем, что подбросят оружие и наркотики, если она не признается в связях с членами террористической группы, захватившей Театральный центр на ул.Мельникова.

Того же числа в 23.00 час, благодаря усилиям известных людей, таких, как А. Аслаханов, адвокат А.М. Хамзаев, актриса Т.Селезнева, она была освобождена из ОВД. Вернувшись в кафе, она упала в обморок и ей была вызвана «скорая помощь».

Из заявления также следует, что сотрудники ОВД «Марьинский парк» настоятельно посоветовали директору кафе не вмешиваться в их действия и если у него будут продолжать работать чеченцы, то кафе будет закрыто.

В заключении Шидаева А.Э. указала, что действиями сотрудников ОВД «Марьинский парк» ей был нанесен серьезный моральный вред, выразившийся в необоснованном задержании, оказании психологического давления, запугивании, а также в том, что ей не дали связаться с матерью и с адвокатом.

Прокуратурой полно и всесторонне были проверены доводы Шидаевой, изложенные в заявлении.

Проверкой установлено, что 23.10.02 г. группа граждан в количестве около 50 человек ворвалась в здание ДК АО «Московский подшипник», расположенное по адресу: ул. Мельникова д.7, где проходило представление мюзикла «НОРД-ОСТ» и с применением огнестрельного оружия и взрывных устройств совершила захват в качестве заложников около одной тысячи зрителей.

В этой связи Прокурором г. Москвы М.А. Авдюковым в рамках расследования данного уголовного дела 28.10.02 г. за № 35-49-02 было дано Поручение Начальнику ГУВД г. Москвы о проведении комплекса мер (ОРМ) по выявлению соучастников террористов. Во исполнение данного поручения Службой Криминальной Милиции ОВД «Марьинский парк» проводились проверочные действия в отношении лиц кавказской народности, проживающих или работающих на территории ОВД.

Так, из объяснений участкового уполномоченного Васильева В. А. следует, что в связи с терактом, который произошел в г. Москве 23.10.02 г., в Органы внутренних дел поступило **Распоряжение Прокуратуры г. Москвы об отработке подозрительных лиц и выходцев с Северо-Кавказского региона на причастность их к теракту. В этой связи 30.10.02 г. для отработки данной информации он пришел в кафе, расположенное по адресу: г. Москва, Луговой проезд, д. 2, где, по имеющейся информации, работали выходцы с Кавказа. В кафе он представился и попросил всех присутствующих предъявить документы. В кафе барменшей работала женщина, выходец из Чечни.** Она предъявила ему документы на имя Шидаевой А.Э., 1970 г.р. Он переписал ее паспортные данные к себе в блокнот для учета. В это время в указанное кафе прибыли сотрудники ОУР ОВД «Марьинский парк» — Хайрулин и Комаричев с целью, чтобы пригласить Шидаеву А.Э. в ОВД «Марьинский парк» для дачи объяснений в ИАГ (информационно-аналитическую группу) по факту возможной причастности к теракту. Васильев В.А. также пояснил, что при этом никакого давления на Шидаеву А. Э. никто не оказывал и она добровольно проследовала в ОВД. В его обязанности входила только проверка паспортных данных и регистрации, что им и было сделано в отношении Шидаевой А.Э. Каким образом происходил ее допрос в ОВД, ему неизвестно, так как он при этом не присутствовал.

Из объяснений оперуполномоченных ОУР ОВД «Марьинский парк» Хайрулина И.Р. и Комаричева А.А. следует, что 30.10.02 г. примерно в 15-16 часов они совместно осуществляли проверку кафе-баров, расположенных на территории ОВД, в связи с терактом, который произошел в г. Москве на ул. Мельникова, так как в Отдел поступило Указание Прокуратуры г. Москвы о проведении

оперативно-розыскных мероприятий с целью установления возможных соучастников террористов. В этой связи они прибыли в кафе, расположенное по адресу: г. Москва, Луговой проезд, д. 2. В кафе находился участковый инспектор Васильев В.А., который разговаривал с женщиной кавказской национальности. **Так как у них имелось устное указание начальника ОУР ОВД опрашивать всех лиц, возможно причастных к совершению теракта, то они предложили женщине, оказавшейся уроженкой г. Грозного — Шидаевой А.Э. — проследовать с ними в ОВД для дачи объяснений.** Шидаева А.Э. согласилась, и они вместе проследовали в ОВД пешком. В дежурной части ОВД по Книге доставленных Шидаева А.Э. не регистрировалась, так как она ими не задерживалась, а добровольно согласилась явиться в ОВД. В отделении Шидаева была препровождена к оперуполномоченному ОУР ИАГ Алешину А.А., который опросил ее на предмет причастности к теракту. Из объяснений Хайрулина и Комаричева также следует, что никакого давления на Шидаеву они не оказывали и ее не запугивали. В отдел внутренних дел Шидаева явилась примерно в 16.00 час, а когда была отпущена, им неизвестно.

В своих объяснениях оперуполномоченный Алешин А.А. показал, что в связи с террористическим актом, происшедшем в г. Москве, он согласно Поручению Прокуратуры г. Москвы от 28.10.02 г. № 35-49-02 **проводил комплекс мер (ОРМ) по выявлению соучастников террористов. 30.10.02 г. к нему в ИАГ явилась гр. Шидаева А.Э.,** у которой он взял объяснения о периоде времени с 23.10.02 по 26.10.02 гг., после чего она покинула его кабинет. При этом никакие меры физического или психологического воздействия им не применялись.

Как следует из объяснений заместителя начальника ОВД по Криминальной милиции Куликова Е.Н., им, в соответствии с Поручением Прокурора г. Москвы от 28.10.02 г.

№35-49-02, было дано указание сотрудникам КМ ОВД «Марьинский парк» **о проведении оперативно-розыскных мероприятий по установлению соучастников и пособников террористов, захвативших заложников 23.10.02 г. в здании ДК АО «Московский подшипник». В ходе проведения указанных мероприятий была установлена гр. Шидаева А.Э., 1970 г.р., зарегистрированная по адресу: Чеченская Республика, г. Урус-Мартан. ул. Ленина, д. 1, кв. 12, временно зарегистрированная в г. Москве по адресу: ул. Профсоюзная, д. 140-2, кв.55, которая работала барменом в кафе, расположенном по адресу: Москва, Луговой проезд, д. 2. Шидаева А.Э. была приглашена в ОВД, где у нее взяли объяснения по факту пребывания и нахождения в г. Москве 23 и 24 октября 2002 г., после чего она ушла из ОВД. Шидаеву А.Э. никто из сотрудников ОВД не задерживал, в комнате для административно-задержанных не содержал и в ходе беседы с ней психологического и физического воздействия на нее никто не оказывал.**

В ходе проверки была изучена Книга учета лиц, доставленных в ОВД «Марьинский парк». Данная книга значится за № 629, начата 17.10.02 г.,

окончена 13.11.02 г., согласно которой 30.10.02 г. Шидаева А.Э в ОВД не доставлялась.

Таким образом, оценивая собранные в ходе проверки материалы в их совокупности, прихожу к выводу, что объективных данных, подтверждающих факт незаконного задержания Шидаевой А.Э. сотрудниками ОВД «Марьинский парк», не имеется.

Также в ходе проверки не подтвердились доводы заявительницы о том, что со стороны сотрудников милиции к ней применялись меры психологического воздействия, выразившиеся в угрозах подбросить ей наркотики и оружие. Вызов Шидаевой А.Э., уроженки Чеченской Республики, в ОВД «Марьинский парк» для дачи объяснений был обусловлен чрезвычайной обстановкой, сложившейся в г. Москве в связи с захватом заложников «НОРД-ОСТА».

На основании изложенного, руководствуясь п.1 ч.1 ст. 24, ст. ст. 144,145,148 УПК РФ

ПОСТАНОВИЛ

1. В возбуждении уголовного дела по заявлению Шидаевой А.Э. в отношении сотрудников милиции ОВД «Марьинский парк» по факту доставления Шидаевой в ОВД — отказать за отсутствием события преступления
2. Копию указанного постановления направить Шидаевой А.Э.
3. Постановление может быть обжаловано вышестоящему прокурору или в суд в порядке, установленном ст.ст. 124,125 УПК РФ.

1-й заместитель Люблинского межрайонного прокурора г. Москвы
советник юстиции Т.А.Пронина

Копия постановления направлена Шидаевой А.Э.
04.12.02 г. в 16.00 ч. по адресу:
г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 140, корп. 2, кв. 55.

Приложение 4. Регистрация — путь к инфаркту

Рассказ члена Комитета «Гражданское содействие» Елены Буртиной

Мы с Ахмедом Арсамаковым начали заниматься его регистрацией 4 марта 2003 г. — за неделю до окончания срока предыдущей регистрации. С копией финансово-лицевого счета, полученной у бухгалтера моего кооператива, фотографиями Ахмеда и паспортами мы пошли в РЭУ (ремонтно-эксплуатационное управление), заполнили бланк заявления, получили выписку из домовой книги, заверили его и мою подпись у начальника РЭУ, заплатили

пошлину 1 руб. и могли бы в тот же день сдать документы в паспортный стол отдела милиции. Но по прошлому опыту знали: предварительно надо сходить в военкомат и к участковому. (В списке необходимых для регистрации по месту пребывания документов, вывешенном в РЭУ, последним пунктом значится «отметка участкового», хотя в Правилах регистрации о ней не упоминается.) 4 марта был вторник. А в военкомат и к участковому можно попасть только в среду (участковые принимают лишь два раза в неделю – в среду и пятницу вечером по два часа. Не успел или не застал – жди два-три дня.)

На следующий день утром пошли в военкомат. Тут нас ожидала небольшая радость: как человек, достигший 50-ти лет, Ахмед был снят с воинского учета. Вечером — к участковому. Молодой участковый Бекматов внимательно изучает паспорт Ахмеда, задает вопросы по поводу многочисленных отметок о временной регистрации (Ахмед много лет ежегодно выезжал из Чечни в разные регионы России на сезонные работы и везде оформлял временную прописку), о роде занятий. Затем куда-то долго дозванивается, произносит как пароль слово «Кострома», называет фамилию Ахмеда и, видимо, получив удовлетворительный ответ, кладет трубку. Потом участковый берет папку с надписью «Северный Кавказ». Объясняет, что обязан вести учет всех проживающих на его участке выходцев с Северного Кавказа, проверять их и 5 (!) раз в месяц отчитываться об их поведении. Записывает туда сведения об Ахмеди и номер моего домашнего телефона. Когда я спрашиваю, на каком основании ведется такой учет, участковый с готовностью заявляет: «Можете на меня жаловаться в прокуратуру». На вопрос Ахмеда, почему раньше им не интересовался прежний участковый, следует ответ: «Это недоработка паспортного стола». В какой-то момент разговора упоминание Ахмеда о его трудностях вызывает у милиционера странный быстрый вопрос: «Фиктивный брак?». То ли он ищет возможность на чем-то поймать нас, то ли пытается объяснить себе, почему русская баба регистрирует у себя чеченца. Наконец, г-н Бекматов оставляет какие-то таинственные знаки на заявлении Ахмеда, ради которых мы, видимо, и пришли.

6 марта, в четверг, в паспортных столах райотделов милиции неприемный день. Утром в пятницу 7 марта отправляемся в ОВД «Преображенское». Помимо уже названных бумаг я несу с собой договор безвозмездного предоставления жилья между мною и Ахмедом, подписи под которым заверены моими коллегами по «Гражданскому содействию» — Светланой Ганнушкиной и Людмилой Гендель, а также печатью нашей организации. По правилам регистрации представление такого договора не обязательно, вполне достаточно одного моего заявления. Но в паспортных столах Москвы при оформлении регистрации на год (а я регистрирую Ахмеда именно на год) требуют представлять договор аренды, оформленный организацией «Мосжилсервис», где такая услуга стоит очень дорого. Чтобы избежать этих расходов, я и заготовила договор безвозмездного предоставления жилья. Гражданский Кодекс не требует нотариального заверения и государственной регистрации таких договоров.

Как я и ожидала, этот договор стал камнем преткновения. Рядовой сотрудник паспортного стола, как только увидел его, сразу позвал старшего сотрудника — Е.К.Кабанова. Тот стал объяснять, что подобные договоры представляются в случае регистрации по месту жительства неродственников и обязательно заверяются у нотариуса. Я возразила, сославшись на Гражданский Кодекс, и полезла за ним в сумку. Увидев это, Е.К.Кабанов схватился за сердце, сказал, что боится сорваться, поэтому не может продолжать с нами разговор, и велел ждать начальника паспортного стола В.Н.Никулина, который «задерживается».

Мы вышли в коридор. Я нервничала: в Комитете – приемный день, а я застаю в милиции неизвестно, на сколько. Побегав взад вперед по коридору, я решила: надо требовать отказ. Поймала за рукав пробежавшего сотрудника, который принимал нас первым, и сказала: «Мы представили все документы, которые указаны в Правилах регистрации. Если Вы не считаете возможным зарегистрировать А.Арсаманова на основании этих документов, пишите отказ». Сотрудник пожал плечами, сказал, что он ничего не решает, и убежал. Но, видимо, он сообщил коллегам о моем демарше, потому что появившийся вскоре В.Н.Никулин, как было слышно через закрытую дверь, с кем-то советовался по поводу этого инцидента по телефону. (В ОВД, наткнувшись на сопротивление, я стала демонстрировать свое удостоверение помощника депутата Государственной Думы. Видимо, поэтому милиционеры не решились просто выставить нас.) Наконец он пригласил нас в кабинет, просмотрев документы Ахмеда, повторил тезис о необходимости нотариального заверения представленного договора. Я повторила ссылку на Гражданский Кодекс. В.Н.Никулин, выдержав для приличия небольшую паузу, сказал, что пойдет нам навстречу, но мы должны, во-первых, переписать договор от руки (он был написан на компьютере, почему понадобилось его переписать, не знаю, видимо, потому, что в разговоре я упомянула, что такой договор составляется в простой письменной форме), во-вторых, Ахмед должен посетить ИАГ (информационно-аналитическую группу) в другом здании ОВД «Преображенское». Потом надо опять прийти к Никулину, потом в РЭУ – сдать документы. На мой вопрос, почему Ахмед должен посещать эту ИАГ, начальник паспортного стола ответил неопределенным указанием на требования выше. Я почувствовала, что продолжать разговор бесполезно. Кроме того, мне было некогда, и мы чуть не бегом бросились туда, где находится эта самая ИАГ. Прибежали. Оказалось, что сотрудника Игнатова, который и олицетворяет собой эту информационно-аналитическую группу, на месте нет и, когда придет, неизвестно. Я пошла на работу, а безработный Ахмед еще и еще раз искать работу, в которой ему, узнав национальность, отказывают все наниматели.

Около 3 часов дня узнаю по телефону, что Игнатов наконец пришел. Ахмед, у которого только что была снимающая сюжет о чеченцах съемочная группа REN-TV, отправляется к Игнатову, приглашая с собой тележурналистов. Те отказываются: боятся идти в милицию, хотя раньше выражали желание пройти с Ахмедом весь путь регистрации. Г-н Игнатов снимает у Ахмеда отпечатки пальцев, ладоней, измеряет его рост, составляет словесное описание его

внешности. На вопрос Ахмеда, зачем это делается, Игнатов поясняет: «А вот если вы совершите какое-нибудь преступление, по отпечаткам вас легко найдут». Ахмед опять спрашивает: что стало с теми отпечатками, которые у него снимали раньше, не проще ли просто проверить наличие его отпечатков по базе данных. В ответ – ссылка на указание начальства. Завязался разговор о гонениях на чеченцев. Г-н Игнатов сказал: «Чему вы удивляетесь? Между русскими и чеченцами идет война. Россия оккупировала Чечню. Понятно, что чеченцы чувствуют себя в России, как чувствовали себя русские под немцами». Ахмед, согласившись с этим сравнением, заметил: «Немцы были честнее русских. Они так и говорили, что славяне – низшая раса, которую надо частью поработить, частью истребить. А российские власти заявляют, что чеченцы – граждане России и их надо защищать».

Процедура заканчивается около 6 вечера, паспортный стол уже закрыт.

В понедельник 10 марта мы не пошли в милицию: я не могла провести там еще один приемный день. 11 марта во вторник решили, не заходя в милицию, попытаться сразу сдать документы в РЭУ. Паспортистка, увидев договор, возмутилась – что это такое?! Я опять ссылаюсь на Гражданский Кодекс. Паспортистка соглашается принять документы, если договор заверит начальник РЭУ. Идем к нему. Он категорически отказывается заверять договор. Никакие ссылки не помогают. Кроме того, он заметил, что на заявлении Ахмеда нет штампа ОВД «Преображенское» (кто же знал, что он должен быть!). Начальник РЭУ звонит в ОВД, говорит с Е.К.Кабановым, который предлагает нам прийти к нему. Идем туда. Паспортный стол не работает, переезжает в другое помещение. Подходим к Кабанову, он отсылает к Никулину. Никулин отказывается разговаривать, ссылаясь на переезд. Мечемся от Никулина к Кабанову и обратно. Наконец, Кабанов ставит нам желанный штамп, и вдруг сообщает нам насчет договора, как новость: такой договор не требует нотариального заверения.

Опять бежим в РЭУ. Паспортистка опять не принимает документы. Идем к начальнику. Он по телефону дает паспортистке указание документы принять. Та с ворчанием и оговорками принимает документы. Сообщает, что за справкой о регистрации и паспортом Ахмед может прийти 20-го числа, то есть через 9 дней. Дает Ахмеду справку о том, что он зарегистрирован по такому-то (моему) адресу, а паспорт его находится в ОВД «Преображенское» на регистрации.

Но связанные с регистрацией приключения Ахмеда на этом не закончились. 19-го марта, за день до того, как он получил справку о регистрации, его задержали и доставили в ОВД «Очаково-Матвеевское» за отсутствие паспорта и регистрации. В ОВД пояснили, что паспортистка не имела права брать у него паспорт.

Таким образом, не будь незаконных требований о посещении участкового, ИАГ, незаконных претензий к представленному нами договору, Ахмед мог бы оформить регистрацию за 1-2 дня. Вместо этого он потратил неделю на дискуссии по поводу договора и на сбор всяких дополнительных подписей и

отметок. От первого визита Ахмеда в РЭУ и до получения свидетельства о регистрации прошло 16 дней.

При этом Ахмеду вряд ли удалось бы зарегистрироваться, если бы его почти на всех этапах не сопровождал человек с удостоверением помощника депутата Государственной Думы.

Приложение 5. ПОСТАНОВЛЕНИЕ Суда

г. Москва 17 января 2003 г.

Судья Головинского районного суда г. Москвы Новикова Елена Анатольевна, рассмотрев в соответствии с ч.2 ст.23.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях дело об административном правонарушении, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 18.8 Кодекса РФ Об административных правонарушениях в отношении Закаева Рамзана Мумаевича, 10.11.1958 г.р., уроженца станции Байгакум Чилийского района Кызыл-Ордынской обл. Казахстана, проживающего по адресу: Казахстан, Чилийский район, Кызыл-Ордынская обл., станция Байгакум, ул. Ауэзова, д.25, гражданина Казахстана, со средним образованием, неработающего, женатого, имеющего троих несовершеннолетних детей, ранее не подвергавшегося административному наказанию,

Права и обязанности по ст. 25. 1 Кодекса РФ Об административных правонарушениях разъяснены /подпись/

УСТАНОВИЛ:

Закаев Р.М. совершил нарушение режима пребывания иностранных граждан в Российской Федерации, выразившееся в несоблюдении установленного порядка регистрации иностранных граждан.

Так он, в нарушение режима пребывания иностранных граждан в РФ, проживал в г. Москве без регистрации более трех суток и 17.01.2003 г. в 10 часов 00 минут был задержан сотрудниками ОВД района «Левобережный» г. Москвы.

По данному факту в отношении Закаева Р.М. 17.01.03 г. составлен протокол об административном правонарушении по ст. 18.8 КоАП РФ.

Опрошенный по делу Закаев Р.М. виновным себя признал и пояснил, что он прибыл в г. Москву в марте 2002 г., проживает с женой и тремя детьми по адресу: г. Москва, ул. Беломорская, д. 11, кв.13. На работу не устроился, живет на случайные заработки, помогает жене ухаживать за детьми. Регистрацию в Москве не оформил, поскольку имеет намерение уехать в Казахстан, однако у него нет средств на оплату проезда.

В соответствии со ст. ст. 5, 20 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ», в течение трех рабочих дней со дня прибытия в

РФ иностранный гражданин обязан зарегистрироваться в установленном порядке.

Вина Закаева Р.М. в совершении правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 КоАП РФ, подтверждается рапортом сотрудника милиции, протоколом об административном правонарушении, протоколом об административном задержании, объяснением правонарушителя.

При назначении наказания учитываю характер совершенного административного правонарушения, а также данные о личности виновного, который находится в РФ без правовых оснований, постоянного места жительства не имеет, в связи с чем может скрыться от органов внутренних дел, мер к выезду за пределы Российской Федерации не предпринимал, и считаю необходимым назначить ему наказание в виде штрафа в размере пятикратного минимального размера оплаты труда с административным выдворением за пределы Российской Федерации.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 29.7, 29.9-29.11 Кодекса РФ Об административных правонарушениях,

ПОСТАНОВИЛ:

Закаева Рамзана Мумаевича признать виновным в совершении правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 Кодекса РФ Об административных правонарушениях, и назначить административное наказание в виде штрафа в размере 500 рублей в доход государства с административным выдворением за пределы Российской Федерации. На основании ч.1 ст. 3.10 КоАП РФ административное выдворение осуществить путем принудительного и контролируемого перемещения Закаева Рамзана Мумаевича через государственную границу Российской Федерации за пределы Российской Федерации. В соответствии с ч. 2 ст. 32.9 исполнение административного выдворения возложить на ОВИР УВД САО г. Москвы. До вступления постановления в законную силу и до административного выдворения за пределы Российской Федерации на основании ч.5 ст.32.10 КоАП РФ содержать Закаева Рамазана Мумаевича в приемнике-распределителе № 1 ГУВД г. Москвы, установив при этом срок содержания до 17 апреля 2003 г.

Постановление может быть обжаловано в Мосгорсуд в течение 10 суток со дня вручения или получения копии.

Судья /подпись/

Приложение 6. Переписка депутата Государственной думы В.В. Изрунова

По делу Дахшукаева и Исламгериевых

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

**ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
2000 — 2003**

«3» декабря 2002 г. № ИГ / 5712

Генеральному прокурору РФ

В.В. Устинову

Уважаемый Владимир Васильевич!

Ко мне обратились родственники Исламгериева Аслана Сайпуддиновича, 1981 г.р., Исламгериева Камалдина Сайпуддиновича, 1979 г.р., Дахшукаева Саламбака Асланбековича, 1981 г.р., проживающих в Москве.

Несколько лет назад, опасаясь за жизнь сыновей, мать вывезла братьев Исламгериевых из Грозного в Москву к родственникам. Аслан является студентом Российского Университета Дружбы Народов им.П.Лумумбы. Дахшукаев Саламбек Асланбекович, постоянно проживает в Москве, занимается мелким бизнесом.

В 2002 г. братья Исламгериевы и Саламбек Дахшукаев решили заняться поставками леса по контракту. Для этого они выехали в Пензу — Камалдин в августе, а Аслан и Саламбек присоединились к нему в сентябре. В Пензе в сентябре-октябре они жили в квартире, которую арендовали у жены участкового инспектора.

27 октября все трое были задержаны сотрудниками Пензенского РУБОПа по подозрению в причастности к теракту в Москве на Дубровке. Почти месяц они содержались в изоляторе и приемнике-распределителе г. Пензы. Все это время их избивали сотрудники правоохранительных органов, которые ранее проходили службу в Чечне.

Матери задержанных выехали в Пензу, однако никакой информации о причинах задержания сыновей им не предоставляли. Матери пытались нанять адвокатов, однако местные адвокаты даже разговаривать на темы, связанные с задержанием чеченцев, не захотели. Один из них, впрочем, предпринял безуспешную попытку встретиться с задержанными, он же выяснил, что обвинение им не предъявлялось. Позже стало известно, что в Пензу привозили на опознание одну из пострадавших зрительниц «Норд-Оста» и та якобы опознала в задержанных террористов с Дубровки. На опознании для облегчения задачи рядом с избитыми, грязными, заросшими чеченцами поставили аккуратно одетых, чисто выбритых светловолосых молодых людей.

Спустя почти месяц после задержания матерям сказали, что скоро им на руки выдадут сыновей. Каждый день матери слышали одно и то же: «За детьми приходите завтра». 21 ноября им сказали: «У нас их нет, их ФСБ забрала».

Так Исламгериевы и Дахшукаев оказались в Москве, на Петровке. 23 ноября в отношении них была избрана мера пресечения в виде содержания под стражей. Их делом занимается следователь Управления по расследованию бандитизма и убийств прокуратуры г. Москвы (следственная группа по теракту).

Прошу Вас взять расследование этого дела под свой контроль.

С уважением, Депутат,
Заместитель Председателя
Комитета по делам СНГ

и связям с соотечественниками **В.Игрунов**

Исполнитель: С.А.Ганнушкина (973-54-74).

**ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ПРОКУРАТУРА
г. МОСКВЫ**

113184, Москва, Новокузнецкая ул., 27

15.12.2002 № 35-49-2002/60681

на № ИГ/5732 от 03.12.2002

Депутату Государственной Думы
Федерального собрания
Российской Федерации —
заместителю Председателя Комитета по делам СНГ
и связям с соотечественниками
Игрунову В.В.

Уважаемый Вячеслав Владимирович!

Прокуратурой города рассмотрено Ваше обращение от 03.12.2002, поступившее из Генеральной прокуратуры Российской Федерации, о задержании братьев Исламгериевых А.С. и К.С. и Дахшукаева С. А. по уголовному делу о захвате заложников в ДК АО «Московский подшипник».

В процессе расследования уголовного дела были получены данные о причастности к данному преступлению Исламгериевых и Дахшукаева, которые были опознаны потерпевшей как лица, входившие в группу Бараева и удерживавшие заложников в помещении ДК, в связи с чем они были задержаны в порядке ст. ст. 91-92 УПК РФ.

Замоскворецким районным судом г. Москвы в отношении подозреваемых 23.11.02 была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на 10 суток.

После проведения опознаний Исламгериевых и Дахшукаева другими потерпевшими и проверки выдвинутого ими алиби, их причастность к террористическому акту не подтвердилась. 30.11.2002 они были освобождены из-под стражи за неподтверждением подозрения.

Данных о задержании этих лиц сотрудниками Пензенского РУБОП в октябре 2002 г. в материалах дела не имеется.

Расследование контролируется.

Заместитель прокурора города /подпись/ В. П. Юдин

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
2000 — 2003

«28» января 2003 г. № ИГ / 6019

Министру внутренних дел РФ

Б.В.Грызлову

Копия: 440025, г.Пенза

Управление внутренних дел

Пензенской области

Уважаемый Борис Вячеславович!

25 января с.г. по телеканалу ТВС в новостных выпусках дважды был показан сюжет о ГУВД г. Пензы, сотрудникам которого по своей инициативе удалось проследить, оперативно разработать и задержать трех чеченцев, прибывших из Москвы после террористического акта на Дубровке. По словам начальника ГУВД Пензы, чеченцы были доставлены в Москву и доказано, что они террористы, которые непосредственно находились в Театральном центре. Имена их не были названы.

Эта информация вызвала у меня некоторую тревогу, поскольку совсем недавно (в октябре прошлого года) точно по такому же делу работал сотрудничающий со мной и с ПЦ «Мемориал» адвокат Абу Гайдаев. Тогда в г. Пензе были задержаны и этапированы в Москву А. Исламгериев, К. Исламгериев и С. Дахшукаев, в отношении которых проводилась проверка на причастность к теракту на Дубровке. В результате проверки оказалось, что указанные выше граждане непричастны к преступлению. Они были освобождены из-под стражи 1 декабря 2002 г., а уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям.

В связи с этим прошу Вас найти возможность сообщить, о каких задержанных чеченцах шла речь в телесюжете: были ли это братья Исламгериевы и С.Дахшукаев.

С уважением, Депутат,
Заместитель Председателя
Комитета по делам СНГ
и связям с соотечественниками **В.Игрунов**

Исполнитель: С.А.Ганнушкина (973-54-74).

УПРАВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Пензенской области

440009, г. Пенза, ул. Злобина,
«11» февраля 2003 г. № 23/399
на №ИГ/6019 от 28.01.2003 г.

**Депутату Государственной Думы
заместителю Председателя Комитета по делам СНГ
и связям с соотечественниками
Игрунову В.В.**

На Ваш запрос №ИГ-6019 от 28.01.2003 г. сообщаю, что в соответствии с указаниями Министерства внутренних дел РФ, поступившими после совершенного террористического акта в Театральном центре на Дубровке, сотрудниками УВД Пензенской области проводились мероприятия по предупреждению и недопущению совершения преступлений данной направленности на территории области.

25.10.2002 г. в УБОП КМ при УВД Пензенской области поступила оперативная информация о том, что в г. Пензе по адресу: ул. Глазунова, 1-68, снимают квартиру лица чеченской национальности, которые под прикрытием коммерческой деятельности планируют заняться совершением тяжких преступлений. В ходе ОРМ 27.10.02 г. были задержаны трое чеченцев: Исламгериев К.С., Исламгериев А.С., Дахшукаев С. А. Об этом были проинформированы МВД РФ, ФСБ РФ.

21.11.2002 г. из г. Москвы в г. Пензу прибыла следственно-оперативная группа, состоящая из следователя прокуратуры г. Москвы и сотрудников ФСБ РФ. Ими было проведено опознание задержанных лиц.

По решению следователя прокуратуры г. Москвы по уголовному делу №**229133** по ст. 205 УК РФ, возбужденному по факту совершения теракта в театральном центре на Дубровке, Исламгериев К.С., Исламгериев А.С. и Дахшукаев С.А. были задержаны по ст.91 УПК РФ и **этапированы в г. Москву.**

О последующих мероприятиях, проводимых в отношении данных лиц и их результатах, УВД Пензенской области уведомлено не было.

Первый заместитель начальника
УВД Пензенской области
полковник милиции /подпись/ **В.Н. Булушев**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
2000 — 2003

«28» января 2003 г. № ИГ / 6020

Директору Федеральной
службы безопасности
Н.П.Патрушеву

Уважаемый Николай Платонович!

25 января с.г. по телеканалу ТВС в новостных выпусках дважды был показан сюжет о ГУВД г. Пензы, сотрудникам которого по своей инициативе удалось проследить, оперативно разработать и задержать трех чеченцев, прибывших из Москвы после террористического акта на Дубровке. По словам начальника ГУВД Пензы, чеченцы были доставлены в Москву и доказано, что они террористы, которые непосредственно находились в Театральном центре. Имена их не были названы.

Эта информация вызвала у меня некоторую тревогу, поскольку совсем недавно (в октябре прошлого года) точно по такому же делу работал сотрудничающий со мной и с ПЦ «Мемориал» адвокат Абу Гайдаев. Тогда в г. Пензе были задержаны и этапированы в Москву А.Исламгериев, К.Исламгериев и С.Дахшукаев, в отношении которых проводилась проверка на причастность к теракту на Дубровке. В результате проверки оказалось, что указанные выше граждане непричастны к преступлению. Они были освобождены из-под стражи 1 декабря 2002 г., а уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям.

В связи с этим прошу Вас найти возможность сообщить, о каких задержанных в г. Пензе чеченцах шла речь в телесюжете. Если речь шла не о братьях Исламгериевых и С.Дахшукаеве, а о других людях, прошу найти возможность сообщить их имена, а также информацию о том, по каким основаниям они были задержаны, какие им предъявлены обвинения, предоставлена ли им возможность воспользоваться услугами адвоката.

С уважением,

Депутат,
Заместитель Председателя
Комитета по делам СНГ
и связям с соотечественниками
В.В. Игрунов

Исполнитель: С.А.Ганнушкина (973-54-74)

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

21.02.2003 № И-562
на № ИГ/6020 от 28.01.2003 г.

Депутату Государственной Думы
Федерального собрания
Российской Федерации -
заместителю Председателя Комитета по делам СНГ
и связям с соотечественниками
Игрунову В.В.

Уважаемый Вячеслав Владимирович!

Рассмотрев Ваш запрос в отношении телевизионного сюжета, показанного 25 января с. г. по каналу ТВС, в котором начальник ГУВД г. Пензы говорил о задержании лиц, якобы причастных к теракту в ДК «Московский подшиппник» 23-26 октября 2002 г., сообщаем, что наиболее полной информацией по этому вопросу располагает МВД России.

По нашим сведениям, лиц чеченской национальности, задержанных в г. Пензе по уголовному делу № 229133, в настоящее время не имеется.

С уважением,
Статс-секретарь -
заместитель Директора /подпись/ В. Шульц

Приложение 7. История гибели Висади и исчезновения Виситы Шокаровых

(рассказ монитора ПЦ «Мемориал»)

Страшное событие 12 февраля 2003 г. потрясло жителей палаточного лагеря «Сацита» (ст. Орджоникидзевская Республика Ингушетия). В этот день в лагерь был доставлен труп Висади Вахаевича Шокарова, 1971 г.р., проживавшего в лагере с начала второй волны военных действий в Чечне.

Больше месяца назад, 6 января 2003 г. в 6 часов 30 минут утра Висади Шокаров был задержан в лагере «Сацита» в результате операции, проводимой совместно чеченской и ингушской милицией. Как позже выяснилось, поручение на задержание дал руководитель следственной группы Надтеречного района Чеченской Республики В.В.Пашков, подозревавший Висади Шокарова в причастности к расследуемому этой группой преступлению. Вместе с ним без всяких оснований задержали еще нескольких жителей палаточного городка, в том числе Аслана Чолаева.

Все задержанные были доставлены в соседнее отделение милиции — Сунженское РОВД. Родственникам сказали, что через два часа приедут машины и увезут задержанных в Чечню. К находящемуся перед зданием старшему брату

Висади Шокарова Висите подошли двое сотрудников милиции и завели его во двор РОВД. Бросившейся за ними следом жене Виситы они сказали, что его отпустят сразу же после проверки документов.

Однако после настойчивых требований беженцев были отпущены все, кроме братьев Шокаровых и Чолаева, которых в наручниках посадили в автомашину марки УАЗ и увезли в Чечню.

Несколько дней в Прокуратуре Надтеречного района отрицали, что задержанные находятся там. В конце концов был получен ответ, что Висади Шокаров арестован по подозрению в убийстве, а Висита Шокаров и Аслан Чолаев были отпущены домой на следующий же день после задержания. Чолаев действительно 13 января вернулся в лагерь. Висита Шокаров в лагерь так и не возвратился, он пропал без вести.

Родственники пригласили для защиты Висади Шокарова адвоката, которого ни разу не допустили к подзащитному. Следователь Пашков пообещал допустить адвоката 10 февраля. Но в назначенный день Пашков сообщил ему, что Висади Шокарова вместе еще с одним подозреваемым вывозили на следственное действие. По дороге произошла авария и оба подозреваемых погибли, а их трупы находятся в морге города Моздока.

Родственники поехали в Моздок и забрали из морга тело Шокарова (младшего). Там же им было выдано медицинское свидетельство о смерти, где было написано, что «смерть Висади Шокарова наступила 2 февраля, причиной смерти является тупая травма головы, разрыв сердца, ушиб головного мозга, обгорание и обугливание трупа».

Три дня тело Висади Шокарова лежало в лагере без захоронения в нарушение чеченских традиций, требующих предания тела земле в первый же день после смерти. Родственники и представители НПО пытались добиться судебно-медицинской экспертизы, поскольку характер и количество повреждений на теле — многочисленные колото-резаные раны на груди, отсутствие части черепа вызывают сомнения в обстоятельствах смерти Висади Шокарова. Однако экспертиза не была проведена.

Родители Шокаровых потеряли обоих сыновей и не смогли, несмотря на депутатские запросы, получить никакой информации об основаниях их задержания и постигшей их судьбе.